

Ирина Успенская
ПРАКТИЧЕСКАЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ГЕРЦОГ

ИДДК

Практическая психология

Ирина Успенская

**Практическая психология.
Книга 2. Герцог**

«ИДДК»

2016

Успенская И.

Практическая психология. Книга 2. Герцог / И. Успенская — «ИДДК», 2016 — (Практическая психология)

Храм разрывают склоки, а где-то там, на фронтире, опальный бастард последнего короля закладывает новый город, теряет союзников и обретает семью. Враги готовят для него камеру в самой престижной тюрьме и празднуют победу. Грядет время перемен. Время Разрушителя. Только назначенный на эту должность Алан Валлид ничего этого не знает. Он просто старается выжить в чужом для него мире. Выжить назло богам, играющим собственную партию. И никто не знает, что в теле опального конта живет душа русской женщины. Женщины, которая привыкла сама выбирать свою судьбу.

© Успенская И., 2016

© ИДДК, 2016

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ирина Успенская

Практическая психология. Книга 2. Герцог

Пролог

В этот раз они встретились на продуваемом северным ветром утесе, о подножие которого разбивались холодные свинцовые волны. Ледяной ветер гонял по небу низкие тучи и рвал свободные белоснежные одежды, прикрывающие тело златокудрого юноши с одухотворенным лицом. Он задумчиво смотрел вдаль, не замечая летящие соленые брызги и резкие порывы ветра. Его собеседник появился на широком мокром валуне, просто соткавшись из хмурого утра. На его губах сияла беззаботная плутоватая улыбка. Курчавый темноволосый мужчина, одетый в неизменную майку-алкоголичку и джинсы, весело сверкнул глазами цвета вулканической лавы и хлопнул юношу по плечу.

– Привет ангелам! – радостно воскликнул курчавый. – Или ты предпочитаешь называться светлым Ирием?

– Добрый день, Вася, или правильнее называть тебя темным Вадием? – вернул шпильку златокудрый. – Как работа?

– Было скучно, пока ты не попытался избавиться от одной деятельной души, – весело сообщил Вася и отбросил со лба волосы, обнажив два небольших рога. – Теперь едва успеваю вытаскивать задницу своего подопечного из всевозможных неприятностей.

– Ты не хочешь рассказать, зачем тебе женская душа в мужском теле? – Ангел внимательно посмотрел на собеседника, но босоногий черт только покачал головой. – Ты ведь знаешь, что слияние не произойдет само по себе? Виктория Викторовна Вавилова так и останется женщиной в мужском теле. Неужели тебе ее не жаль?

– Прошло сорок дней с тех пор, как мы перенесли ее душу в тело двадцатичетырехлетнего конта Алана Валлида, и пока душа прекрасно справляется. Алан провел реформы в своих владениях, присоединил земли двух баронств, заключил несколько военных союзов, нашел сына, собрал команду верных людей, обзавелся сильными врагами, – Вася гордо загнул очередной палец. – И еще он успешно отказывается от всех твоих предложений, Ксю. Так отчего я должен его жалеть? Он будет президентом, как и грозила Виктория! Парень сказал – парень сделал!

– Она упряма, – в голосе Ксю прозвучало недовольство.

– Алан не упрямый, он умный, целеустремленный и верный своим людям. Даже твоя небольшая шутка, которую ты подстроил ему с молодым игушем, не заставила эту душу вернуться в наш мир.

Ангел Ксю смутился, чем вызвал у черта взрыв неподдельного веселья.

– Я просто немножко усилил симпатию Виктории к этому молодому человеку. Не думал, что она влюбится, – начал оправдываться златовласый, но, увидев смеющиеся глаза собеседника, разозлился. – А ты заставил ее заключить сделку с дьяволом!

– О да, – мечтательно протянул черт Вася. – Вскоре Алан Валлид займет трон, а я буду стоять у него за правым плечом.

– Этому не бывать!

– Интересно, – протянул Вася, – каким образом ты лишишь разумное существо привилегии выбора? Это нарушение конвенции.

– Мы с тобой ее нарушили, когда отправили душу Вавиловой в недоразвитый мирок, переживший экологическую катастрофу, в тело опального бастарда короля. Так что отвечать будем вместе. – Ехидно напомнил собеседнику ангел.

– Раз премии нам не видать, я оставляю за собой право помочь моему другу Алану определиться. – Тот, кто выдавал себя за черта, лукаво склонил голову на бок. – Наше пари остается в силе? – Дождавшись кивка Ксю, Вася довольно сощурился. – Тогда по нектару? Я знаю здесь за углом, всего в нескольких парсеках, шикарное заведение.

– Ты всегда меня поражал своими знаниями «зауглов». Если только по одному стаканчику. И учти, друг, я тоже не буду стоять в стороне.

Через секунду они исчезли, оставив после себя легкий запах серы и ночных фиалок, но и его спустя мгновение унес порыв зимнего ветра.

Глава 1

*У меня спросили, слышат ли боги нас,
жалких букашек, снующих у их ног?
Разве есть им дело до наших низменных желаний и просьб?
И я ответил: «Лишь тех слышат боги, кто отдает себя
служению,
кто беззаветно и искренне взывает к ним во имя всех и каждого,
кто сам трудится ради своей мечты, а не ждет помощи Небес».*
Из проповеди Приближенного ордена Взывающих

Узкая лодка, лавируя между выступающих из воды скал, удалялась от берега. Сильное землетрясение, случившиеся в этих землях несколько столетий назад, разрушило прибрежную гору, и теперь ее осколки густо усеивали дно небольшой бухты. Брат Алвис из Ордена Искореняющих, Длань Храма, сидел на корме, медленно пропуская между пальцами концы белой корды, подпоясывающей сутану. Это помогало думать. Взгляд вернулся к фигуре Алана Валлида, с которым они попрощались некоторое время назад. Попрощались тепло, хотя оба понимали, что их интересы в данный момент лежат в совершенно разных плоскостях. Алан так и не сказал Длани о своих планах на будущее, на вопросы отвечал расплывчато, отшучивался и быстро менял тему.

Ксен недовольно покачал головой, когда конт Алан Валлид попытался снять кольчугу, и вздохнул с облегчением, заметив, как его телохранитель Иверт остановил неугомонного контя. Такое пренебрежение к собственной жизни было Искореняющему непонятно. Сидит на открытом пространстве, словно он бессмертен. Крикнуть, что ли? Или еще раз проверить, насколько расположен темный бог к этому странному человеку? Алвис прищурился, перестраивая взгляд. Вокруг контя все так же сиял белый ореол, но сейчас ксен видел и огромные черные крылья, расправленные за спиной мужчины. Эти крылья появились совсем недавно, после освобождения контя из плена. Точно такие же крылья Алвис видел за спиной своего Учителя, и такие же, если верить тому же Учителю, должны были быть у него. Знак благосклонности Вадия. Алвис задумался, стоит ли рассказывать наставнику о странностях, которые он заметил в Алане Валлиде, или пока не спешить и использовать контя в собственных интересах? Учитель утверждал, что отошел от дел, но он знал, что старик пристально следит за жизнью на материке.

Вдоль берега цепочкой выстроились воины капитана Рэя, несколько лучников расположились на прибрежных склонах. Конт сидел на огромном валуне, наполовину скрытом водой, согнув одну ногу и пристроив подбородок на скрещенные руки, свободно лежащие на колене. Он каждый день приходил сюда, и Алвису очень хотелось бы знать, о чем думает Алан, подолгу глядя на воду. Недалеко стоял игуш Иверт, добровольно взявший на себя роль телохранителя контя, а на соседнем камне лежали и смотрели в небо секретарь Алана – Турен Ли, бывший маркиз Вас'Хантер, а ныне раб, и юный виконт Дарен, признанный контом сыном и наследником. Мысли Алвиса перескочили на Тура, он уже продумал предварительный план, как можно в дальнейшем использовать мальчишку, но сейчас размышлять об этом не хотелось. Иверт что-то сказал, Алан повернул к нему голову, улыбнулся и протянул руку. Горец, перепрыгивая с камня на камень, приблизился к черноволосому мужчине. Похудевший конт издали казался очень хрупким и ранимым. Алвис и раньше, несмотря на крепкое телосложение, замечал в нем некую изящность, – плавные движения, легкий шаг, мягкие жесты. Иверт, ухватив контя за руку, помог ему подняться. На мгновение они замерли рядом, и в белом ореоле вокруг тела Алана вспыхнули розовые всполохи. Алвис понимающе кивнул, он давно подозревал это. А горец? Ксен перевел взгляд на игуша. Нет, горец абсолютно спокоен. Неужели не замечает? На какой-то миг взгляд Искореняющего словно затуманился, и на месте контя ему почуди-

лась невысокая хрупкая женщина в необычном наряде. Моментально разболелась голова, и он несколько раз сильно моргнул, прогоняя наваждение и возвращая зрение в нормальный режим.

Алвис окинул взглядом высокие скалы, разбросанные в воде на приличном расстоянии от берега, добраться до них можно было только вплавь. На одной из скал мелькнула фигура человека с луком в руках. Мелькнула и пропала, но Искореняющий на всякий случай подтянул к себе изогнутый лук горцев – подарок Ведмеда, знак признательности за помощь. Ксен усмехнулся и полез в сумку за тетивой. Помощь! Говоря откровенно, люди Алана появились очень вовремя и избавили Длань от множества проблем. На скале может находиться воин Рэя, а может – кто-то из недобитых наемников. Не всех удалось взять. Несколько человек исчезли, поэтому расслабляться нельзя. Он сейчас слишком хорошая мишень. Алвис пересел за щит, закрепленный у левого борта, и приготовил стрелу.

Кто же ты такой, кир Алан конт Валлид? Эту загадку было очень интересно разгадывать, поэтому ксен с большой неохотой покидал фронтир. Но приказ Наместника звучал лаконично – герцог Вас'Хантер. И Искореняющий с ним согласился: герцог стал слишком самостоятельным и решил сыграть за спиной Храма.

Предчувствие заставило вскочить на ноги и развернуться в сторону скалы, на которой он заметил лучника. Лодку сильно качнуло, но ксен успел послать стрелу. Они выстрелили одновременно – неизвестный стрелок и Длань. Стрелок с пробитым горлом упал в воду, а Алвис боковым зрением успел выхватить момент, когда конт резким движением развернул игуша вокруг себя и закрыл его своим телом. Стрела с черно-красным оперением, пробив кольчугу, вошла в плечо Алана. Значит, покушались на горца, не на конту. Первым желанием было развернуть лодку обратно к берегу, но ксен сдержался. Эхо разносило над водой обрывки фраз, некоторые слова Искореняющий смог уловить и понял, что Алан в ближайшие часы умирать не собирается. «Смертельно раненые люди обычно не орут, поминая Вадия и потрясая кулаком, а красиво падают в объятия соратников и возлюбленных», – иронично подумал про себя ксен, представив, как Алан Валлид, картинно прижав ко лбу руку, падает в объятия игуша. Это было смешно.

«Иверт должен конту еще одну жизнь», – хохотнул про себя ксен, поднимаясь на борт небольшого корабля. И если он хоть что-то понимает в горцах, Алана ждет сюрприз.

Виктория смотрела, как лодка, несущая на своем борту брата Алвиса, удаляется от берега. На соседнем камне грелись на солнышке ее сын и секретарь. Виконт-крестьянин и раб-герцог. Мальчишки, заменившие ей семью, оставшуюся где-то на далекой Земле. Чужой мир, чужое солнце, чужое тело.

Прошло два месяца с тех пор, как ее душу забросило в этот мир, в тело опального бастарда последнего короля – конту Алана Валлида. А такое чувство, что прошло несколько лет. Шок от осознания того, что после долгих лет существования женщиной, после замужества, рождения трех сыновей, смерти, посещения места, жутко напоминающего библейское чистилище, она очнулась мужчиной – сменился упрямым желанием выжить. Выжить всем врагам назло! Выжить и быть счастливой!

Она перевела взгляд на Иверта. Еще одна головная боль. Влюбленность в этого зеленоглазого мужчину. Очень странная любовь. Наваждение. Даже в самом страшном сне она не могла подумать, что в свои годы сможет влюбиться в человека, которого видела всего несколько минут. Избитого, умирающего, незнакомого. Врага. Мужчину, который до сих пор оставался для нее загадкой и которого она совершенно не знала. Скрытного, незаметного, настороженного. Даже сейчас она не могла сказать, какой Иверт на самом деле. Даже брат Искореняющий с его тайнами и интригами ей был более понятен, чем этот горец. Как такое могло произойти? Неужели сработал эффект молодого тела? Хотя... после разговора с местными богами у нее начали закрадываться подозрения, что без Ирия здесь не обошлось. Слишком уж неожидан-

ной и нетипичной для нее была эта любовь. А Ирию очень хотелось, чтобы она вернулась в женское тело.

Черт! Стрелок! Крикнуть времени уже не хватило...

У! Как больно! Чтоб вас там подняло и прихлопнуло! Рэй же сказал, что поставил на скалах своих людей! Где эти люди? Ага! Появились! Зар-раза!

– Иверт, вылови труп. Надо посмотреть, кто это такой. Дарен, не бледней! Вытащим стрелу в замке, пусть пока торчит. Идите сюда, я на вас обопрусь.

Все произошло мгновенно, она не успела предупредить горца, а отпихнуть с траектории полета стрелы его было просто некуда. Вокруг обломки скал, падение на которые привело бы к смерти вернее, чем попавшая в плечо стрела. Именно из-за скал в этих местах и не мог пришвартоваться к берегу ни один корабль. По узкому проходу между нагромождениями камней и огромных осколков имела шанс пройти только лодка, да и то не всякая. Но даже такая бухта являлась подарком Ирия. Практически все побережье покрывали высокие горы, уходящие в воду, и лишь в нескольких местах можно было подойти к берегу. Наконец-то Виктории удалось разгадать тайну почты храмовников. Письма им доставлялись по морю, что намного быстрее, чем посылать верхового гонца.

Спасибо, Алвис. Первое, что она увидела – лук в руках у ксена, и только потом, проследив за его взглядом, заметила стоящего на скале стрелка. Все остальное тело выполнило само, без участия мозга. Ничего, сейчас потихоньку доберемся до замка, и там...

...«и там» Виктория уже не помнила. Ослабленный предыдущими травмами организм решил, что еще одна дырка – это уже слишком, и выключил свет, как только они ступили на тропу, ведущую в замок Линь.

Виктория открыла глаза и осторожно села. На простыне осталось большое кровавое пятно. Тугая повязка на плече пропиталась кровью и сковывала движения, но она не собиралась в ближайшую десятницу махать мечом, поэтому приняла еще одну рану как неизбежное зло. На фоне всего, что ей пришлось пережить, это были мелочи. Только не мешало бы перевязать.

После того как Иверт вынес бесчувственное тело конта из пыточной, Алан провалялся в беспамятстве пять дней, а затем еще десятницу пролежал в кровати, залечивая ожоги и многочисленные травмы.

Иногда конт приходил в себя, чтобы мутным взором увидеть сидящего у кровати верного Берта и выпить горький отвар, который для него готовил лично Искореняющий. Однажды в такую короткую минуту просветления сознания конт потребовал, чтобы его отнесли к Нанни – попрощаться.

Ничего этого Виктория не помнила. Она не видела, как прибывший из Крови брат Турид отпустил дух Нанни, приняв у Берта красную свечу, зажженную от погребального костра. Без конта прошли допросы и казни заговорщиков. Без него брат Алвис отправил воинов разыскивать дочерей конта. Привезли только одну, вторая была слишком мала, и мать ее не отдала. Когда Алан в очередной раз пришел в сознание, Искореняющий поинтересовался, не хочет ли он признать дочь? Виктория смутно помнила черноглазую девочку, перепуганную и заплаканную, и свое незамедлительное согласие. Только имя у девочки было слишком простецкое, и конт потребовал, чтобы ее назвали Василисой. Почему Василисой? А кто его знает, что пришло на ум больному воображению, но Искореняющий согласился, и девочку нарекли на местный манер – кирена Василия виконтесса Валлид. Виктория дрожащей рукой подмахнула бумаги, дав себе зарок разобраться со всем, когда будет чувствовать себя лучше, и благополучно уснула, выпив настойку брата Алвиса. Пользуясь своей властью, Длань выдал девочку замуж за сына Линя, после чего сразу отправил Василию в Кровь, заявив, что первая брачная ночь возможна только после того как жене исполнится четырнадцать лет, но никак не раньше.

Перечить ему никто не стал, а через несколько дней новый барон Линь был найден мертвым. Он отравился. Так виконтесса стала баронессой и вдовой, а замок на законных основаниях перешел к ее отцу до той поры, пока он вновь не выдаст дочь замуж.

Тур потом рассказал конту, что Рэй послушался приказа господина и не дал Кайрату Линю умереть легко, и что эхо разносило вопли барона по горам на протяжении нескольких рысок. Рассказал, что капитан заставил предательницу Олику смотреть на муки ее любовника, и теперь она ждет суда владетеля в подвале замка. А еще поведал о том, что Искореняющий лично готовил для конта еду, никому не позволяя притрагиваться даже к посуде, пока из Крови не приехала Райка в сопровождении Оськи и Кусь. Райка моментально построила всех – от Рэя до местных кухарок, деятельный шут нашел тайник с женскими украшениями, а тау покусала Гихарда Ведмеда, когда тот попытался пройти к конту в спальню. Рабы же Линя, после того как Оська расписал им перспективы, все как один умоляли оставить их в собственности Валлида,

Все эти события Виктория благополучно пропустила. Но, даже придя в себя, столкнулась с излишней заботой со стороны окружающих. Райка и Рэй объединили усилия и, видно, решили довести конта до смерти через обжорство. Стоило открыть глаза, как раздавался голос Берта:

– Господин, тетка Райка вам пирожков свежих испекла. Вы пока перекусите, а я прикажу, чтобы рыбу пожарили. Люди Гихарда в море выходили.

Или слышался голос Алвиса:

– Ни о чем не думайте, кир Алан. Сейчас ваше вмешательство может только навредить расследованию. Выздоровливайте.

Или докладывал Иверт:

– Ведмедь просит для своих людей разрешения пять дней из десяти выходить в море через твою бухту. Я передам ему твое решение, ты сам не вставай с постели.

Или сообщал брат Взывающий:

– Кир Алан, мы открыли храмы в ваших весках, и мои Слушающие уже провели первые взывания. Мой сменщик скоро прибудет, но пока вы не выздоровеете, я не покину Кровь. Сейчас я займусь, как вы говорите, ревизией, и возьму в помощь местного Взывающего. Он хороший человек, брат Искореняющий его проверил. Ни о чем не беспокойтесь, помощников хватает.

Или возникал Оська:

– Алан-балан, хочешь я тебе песенку спою? А ты за это выпьешь эту мерзкую настойку.

Виктория улыбнулась, вставая с кровати. Теперь уже все позади. Наместником в замке она оставит Серого, он же будет капитаном местного гарнизона. Останется только обсудить некоторые вопросы с горцами и решить, кого из воинов взять на службу. Алвис отобрал два десятка, но нужно глянуть.

Она успела натянуть штаны и сапоги, еще больше разбередив рану на плече, когда дверь распахнулась, и в комнату стремительно вошел Иверт. Горец нагнул голову в легком поклоне и недовольно поцокал языком:

– Эй, Бешеный Алан, зачем ты встал? У тебя рана открылась, а Берт с Райкой ушли к морю. Сядь, я перевяжу.

Иверт, недолго думая, стянул с себя рубашку и споро нарезал из нее полос. Виктория при взгляде на его обнаженный торс начала было протестовать, но, поймав снисходительный взгляд, решила, что горцу виднее, что там у нее с плечом. Может быть, и правда все трагично. Боли она не ощущала, но это ни о чем не говорило. Алвис оставил конту один из своих пузырьков. Очень эффективное обезболивающее. Иверт, что-то тихо напевая, разрезал повязку и бросил на пол окровавленные тряпки.

– Тебе повезло, что ты не снял кольчугу, и стрела прошла по касательной. Дырка небольшая, швы на месте, – сообщил он, внимательно осмотрев рану.

Через несколько минут конт сидел с новой повязкой и в застегнутой рубашке, наблюдая, как Иверт придирчиво перебирает пирожки, горкой выложенные на блюдо. Смотреть на это было очень приятно и волнующе. Иверт, наконец-то выбрав пирожок, жадно откусил от него и присосался к кувшину с вином.

– Бешеный Алан, скажи, почему Райка только для тебя печет пирожки с ягодой? – Довольно улыбнулся игуш, вытерев рот тыльной стороной ладони.

– Может быть, она меня любит? – усмехнулся конт, опуская голову.

– Ты второй раз спас мне жизнь. – Иверт стал серьезен, он подошел ближе, присел перед Аланом, положил руки ему на колени и заглянул в лицо.

Сердце сделало кульбит и застучало с удвоенной силой.

– Кто это был? – хрипло спросил конт и закашлялся, чтобы скрыть дрожь в голосе.

Предчувствие чего-то необратимого разлилось в воздухе. Виктория старалась оттянуть этот момент.

– Наемник. Ему все равно, кого убивать, тебя или меня. Кстати, их было двое. Второго нашли люди Гихарда. Алан, тебе нужно взять игушей на службу. Никто лучше нас не защитит тебя в горах.

Иверт поднялся на ноги и прошелся по комнате. Виктория его не слушала, она исподлобья следила за мужчиной и не могла оторвать взгляда от плеч со шрамами, от волос, небрежной волной рассыпавшихся по обнаженной спине. Мысли ее были совсем не об отряде горцев. Иверт Ураган. Стремительный, независимый, загадочный, живой. Недостигаемый, но такой желанный.

Иверт тряхнул распущенными волосами. От этого движения по телу пронесся горячий шквал. Виктория встала и сделала шаг к замершему у окна горцу, протянула руку и... едва успела ее отдернуть, когда Иверт резко обернулся.

– Бешеный Алан, я говорил с отцом. Он поддержал мое желание служить тебе. Я останусь с тобой до тех пор, пока не посчитаю, что мой долг крови выплачен полностью.

Они стояли друг напротив друга, в глазах горца Виктория искала нежность и сострадание, но видела лишь спокойствие и ожидание ответа.

– Назначь день, когда ты примешь мои клятвы.

О какой клятве он говорит? Разве это ей сейчас нужно? Разве горец не видит, не чувствует? Неужели он так слеп? Мысли метались, мешая сосредоточиться, и не желали уходить. По телу пробегали волна за волной и собирались в воронку внизу живота. Иверт что-то говорил, но Виктория не слышала, она лишь видела шевелящиеся губы, к которым ей так хотелось прильнуть. Сосредоточиться! Взять себя в руки. Это просто стресс, просто накопившаяся усталость – физическая и моральная. Одиночество. Но это пройдет! Должно пройти! Так отчего ей захотелось заорать в лицо мужчине о своих чувствах? Виктория сделала шаг в сторону и нащупала меч, прислоненный к стене. Последнее время она использовала Разящий как трость. Зеленые глаза немного растеряно, не мигая, смотрели в серые, и от этого взгляда хотелось бежать. Куда бежать? Зачем? Ведь она выбрала мужскую жизнь! Она выбрала мужское тело! Она отказалась от своей любви, когда заключала сделку с Вадием!

– Иверт, уйди, – тихо произнес конт.

Воздух в комнате стал вязким, ей стало тяжело дышать, желудок сжался от ожидания.

– Эй, Алан, что случилось? Тебе плохо? – встревоженно произнес игуш, делая шаг вперед.

– Мне плохо, – едва слышно прошептал конт, но Иверт услышал.

– Позвать Рэя? Что с тобой? Где болит? – Он обнял конта за плечи и легонько подтолкнул к кровати.

Виктория покачнулась от нахлынувших на нее эмоций и чувств. Она едва сдержалась, чтобы не вцепиться в мужчину двумя руками.

Нет, она никогда не сможет ему признаться. Никогда. Почему бы горцу сейчас не уйти? Что он хочет услышать? Что она обманула саму себя, когда заключила сделку с Вадием и поклялась жить в этом ненавистном мужском теле? Безнадежная тоска поднялась со дна души и поглотила разум.

– Алан, тебе нужно лечь. Тебя трясет! Хочешь, я пришлю служанку, чтобы согрела постель?

– Зачем мне служанка, когда есть ты?

Но Иверт никак не отреагировал на эти слова Валлида, только бросил на конта быстрый внимательный и немного виноватый взгляд, и от этого Виктории показалось, что чувство одиночества стало осязаемым, оно протянуло к ней свои щупальца, сжимающие сердце.

Наконец они добрались до кровати. Виктория тяжело села, оперлась на меч и оттолкнула руку горца.

– Нет! Я не хочу служанку! – прорычала, чтобы сказать хоть что-нибудь. Чтобы не разрыдаться и не начать крушить все вокруг.

«Иверт, неужели ты так слеп? Я еще смотрю на кого-нибудь так, как на тебя? – тоскливо подумала Виктория. – Мне никто больше не нужен. И... ты больше не нужен».

Она который раз пыталась убедить себя, что сможет забыть эту шальную ненужную любовь, так усложнившую ее жизнь. Она уговаривала себя и сама себе не верила. Женщина чувствовала себя мухой, завязшей в паутине. Неизбежная безысходность. Ненужные мысли. Болезненные и жестокие. Может быть, оно и к лучшему? Может быть, ей нужно было это понять? Она ведь сама выбрала. Сама отказалась от предложения Ирия, так чего она ожидала? На что надеялась? Ее удел – одиночество. Долгие годы одиночества. Пустота, холод, страх потери.

– Уйди, – холодно произнес конт.

– Алан...

«Все очень сложно, Иверт, – подумала Виктория. – Но я справлюсь».

Она чувствовала, как черная тоска заполняет ее глаза, и не хотела, чтобы Иверт это видел. Не хватало еще, чтобы он начал ее жалеть! Меч уткнулся горцу в бок.

– Уйди! – зло выкрикнул конт, вскакивая с места. – Убирайся!

«Дай, наконец, поплакать без свидетелей! Не можешь посочувствовать, так не мешай!» – Виктория изо всех сил оттолкнула от себя Иверта.

– Эй, не маши мечом! У тебя рана откроется! – Горец отступил на шаг.

Заботливый! Женщина почувствовала, как на смену тоске приходит злость.

– Я сказал, убирайся! – заорал конт, взмахнув мечом. На пол полетел разбитый кувшин. Следующий взмах – и кружки разлетелись на множество осколков. – Еще одно слово, и твоя голова отделится от тела!

... – Что случилось? – Рэй остановился возле сидящего в коридоре на полу Иверта. – Что это за шум?

– Там случился Бешеный Алан, – флегматично ответил горец, не открывая глаз. – Мне кажется, он добрался до кровати.

Рэй приоткрыл дверь.

– Вина! – послышался голос конта. – И чтобы никто не беспокоил!

Стол развалился после шестого удара, кровать оказалась крепче. Но и ей досталось. Скрипя, рухнули столбики, поддерживающие балдахин, закружились в воздухе перья. Со зво-

ном разлетелось на множество осколков небольшое зеркало, такая же участь постигла и единственное окно.

Слуга, принесший вино, поставил его на пороге и быстро захлопнул двери, увидев, как в его сторону летит клинок.

– Еще вина!

После третьего кувшина из стены вышел Ирий, отчего-то облаченный в древнегреческую тогу.

– О, Зевс пожаловал! Стань здесь, я буду тебе морду бить.

Виктория хмуро подняла кувшин и отхлебнула большой глоток вина, не утруждая себя поисками чашки.

– За что? Я ведь предлагал тебе женское тело. И предупреждал, что ты поспешила с выбором. Но все еще можно переиграть. Подпиши бумаги и умри.

Умереть! Точно! Как она сама не догадалась? Это ведь так просто – умереть. Забыть, не помнить, не думать. Может, броситься на меч, как римские гладиаторы? А где меч? Виктория обвела рассеянным взглядом комнату. Где-то был, она точно помнит, что меч валялся под ногами, и она отшвырнула его куда-то в сторону. Но разве в этом бардаке найдешь! Слуги совершенно распустились. На конюшню всех! Выпороть! О! У нее есть пояс. Красивый и крепкий, можно повеситься. Только к чему его привязать? Виктория поднялась на ноги и, шатаясь, подошла к двери. Открыла ее, увидела сидящего у стены Иверта и со злостью захлопнула дверь. А вот фигу! Она показала двери кукиш. Не дождешься!

– Правильно, – сказал Ирий и превратился в Вадия. – Давай лучше выпьем. А почему ты ему не сказала, что любишь?

– Потому что я не такая! Не голубая, короче! Я просто хотела, чтобы меня любили. И все. И ничего больше. А он! – Конт перевернул кувшин, потряс им и разочарованно вздохнул. – А где этот гад, который обещал мне счастье? Где твой светлый брат?

– Без понятия.

– Вина! Еще!

Потом они с Вадием пели. Грустную песню о неразделенной любви. Потом Виктория вроде уснула. Ненадолго, а когда проснулась, вновь потребовала вина.

– Представляешь, он мне служанку предложил! Мне! А я отказалась, и теперь он, наверное, думает, что я этот... нетрадиционный? А я нормальный!.. Нормальная!.. И я это сейчас докажу! Вина и деву!

– Ну что, буянит? – Рэй приоткрыл дверь и заглянул в щель. – С кем он разговаривает? В комнате никого нет.

Иверт безразлично пожал плечами.

– Он на стене рожу нарисовал углем, с нею и разговаривает. Вторые сутки пьет и ничего не ест, мало ли, что ему чудится. Потребовал деву, а когда она пришла, заставил ее раздеться и выгнал. А после, – игуш тихонько рассмеялся, – выглянул и обиженно заявил мне, что девка волосатая, а он терпеть не может волосатых баб.

– Он от пыток еще не отошел, а тут опять голодает. И повязка вся в крови, – с болью в голосе произнес Рэй. – Может, как заснет, попробуем его связать?

Иверт только хмыкнул в ответ на это предложение.

– Ну да, глупость сказал, – со вздохом согласился Рэй. – Но что-то надо делать, пока он не начал духов голыми руками ловить.

Иверт плавно поднялся и кивнул на дверь.

– Теперь ты карауль, Молчун. Я знаю, что надо делать.

– Вина!

Сколько времени она пьет? И зачем? А! Потому что ее никто не любит и не жалеет. Она всем нужна лишь для того, чтобы... чтобы... Не нужна она никому! Никто даже не пришел узнать, как она! А может, она уже того... повесилась или умерла с голода. Где-то были пирожки... Какая гадость!

От мыслей о еде желудок свели спазмы, и Виктория едва успела добраться до угла комнаты, где слуга поставил ведро. Как мерзко во рту. Надо запить.

– Вина!

Почему никто не принес вина? Где Иверт? Где этот предатель? Виктория распахнула дверь, но вместо Иверта увидела сидящего на стуле Рэя. Рядом с ним на полу стояли кувшины с вином.

– О! Рэй! Приказываю переименовать замок! Теперь он будет называться «Осколки моего сердца»! Выполнять! – с этими словами конт схватил кувшин и, шатаясь, исчез в комнате.

Стук в дверь застал Алана сидящим на обломках кровати и тупо смотрящим в окно. Ночь. Кто-то стучит. Дятел. Или белочка? Маленькая белочка вместе с песком. Они пришли спеть конту колыбельную. Не дождавшись разрешения, в комнату вошла девушка с подсвечником в руках. Она, осторожно перешагивая через обломки мебели, прошла к окну, поставила на подоконник подсвечник и, мягко ступая по усыпанному мусором и соломой полу, приблизилась к Алану. Тот поднял на нее глаза.

– Зира, – грустно улыбнулся конт. – Меня никто не любит.

Девушка присела рядом, взяла конту за руку и, положив голову ему на плечо, тихонько что-то сказала. Ее тонкие пальчики гладили руку Алана, она что-то говорила, и истрадавшаяся по ласке душа оттаивала от звуков ее голоса.

Алану вдруг стало стыдно за грязные штаны, окровавленный и оцарапанный голый торс, за лохматые нечесанные волосы, за щетину и синяки, за свою несдержанность и слабость. Он хотел крикнуть, чтобы позвать слуг, но побоялся спугнуть мгновенную нежность, образовавшуюся между ними.

Мужчина прижал к щеке девичью ладонь и заговорил, повторяясь и заикаясь, путая русские слова с местными.

– Зира, оказывается, мне тебя не хватало. Знаешь, я ведь не пьяница. Просто мне стало так тоскливо. Я испытал столько боли, а меня никто даже не пожалел. Никто не прижал к себе, никто не погладил, не обнял. Я ведь не прошу многого, только немножко ласки и нежности. Раньше меня жалела Нанни, а теперь ее убили. – Алан пьяно шмыгнул носом, сглотнул слезы. – А больше никто меня не жалел, – повторил он. – Ты знаешь, я ведь не мужчина. Я женщина, просто боги меня запихнули в это тело. И я влюбилась в твоего брата, а он... он меня не любит. Совсем не любит. Я знала, что так будет, и не надеялась. А может, и надеялась. Ведь мы все нуждаемся в том, чтобы нас любили. Просто так, за то, что мы есть. Правда? Жаль, что ты не можешь мне ответить. Мне кажется, что ты бы поняла и приняла меня.

Зира обняла конту и осторожно поцеловала в глаза, потом в лоб, щеки и губы. Он умиротворенно вздохнул и опустил голову ей на колени. Девушка гладила черные спутанные волосы, а Алан продолжал:

– Ты не представляешь, как тяжело притворяться тем, кем ты не являешься. Как сложно быть мужчиной, когда у тебя женская душа.

– Предки иногда шутят, путая тела, – тихо произнесла Зира. – Но ты – Алан Валлид, еще больше мужчина, чем мой отец. Просто ты немножко не такой, как все.

Конт резко сел и сразу почувствовал головокружение и тошноту.

– Ты разговариваешь на языке равнин?

– Конечно, – улыбнулась Зира. – Язык врага нужно знать.

– Но почему ты не сказала мне об этом в прошлый раз?

– А разве ты хотел со мной говорить? Сегодня ты захотел, и я разговариваю с тобой.
Ой, ой! Что же ты наговорил, пьяный конт Валлид?

– Не волнуйся, я не поняла половины сказанных тобой слов, – тихо рассмеялась Зира. – Ты очень загадочный, Бешеный Алан. – Она провела кончиками пальцев по губам мужчины.

– Пусть это будет наш с тобой секрет, – прошептал Алан, целуя нежные пальчики.

Последнее, что он запомнил, это склонившееся над ним лицо Зире и ее тихий шепот:

– Спи спокойно, я буду охранять твой сон до утра.

А утром девушки в комнате не оказалось, и лишь серебряный кулон в виде маленькой бегущей ласки на витой нити говорил о том, что Зира конту не привиделась. Он надел кулон на шею и распахнул дверь. Хватит предаваться жалости к себе, пора заняться делами.

– Баню. Завтрак. Потом доклад. В обед выезжаем в Кровь. Судить Олику будем дома.

Однако выехать им удалось лишь через несколько дней.

Алвис перед своим отъездом настоятельно рекомендовал Алану перебраться в Линь. Удобное месторасположение, близость к морю и удаленность от главных трактов делали замок почти неприступной крепостью. Им просто повезло, что за стенами Линя находился союзник, иначе Рэю вряд ли удалось бы спасти своего воспитанника. Однако Виктории замок не понравился. Совершенно. Трехэтажное серое мрачное строение с узкими окнами-бойницами, обнесенное широкой каменной стеной с башнями. Рабочие пристройки находились за стенами замка, и все, кроме конюшен, выглядело так, словно лепилось из того, что было под рукой, и предназначалось на один сезон. Особенно удручающими на фоне окрестных пейзажей выглядели барак для рабов и дом для прислуги. На территории замка постоянно проживали воины и несколько доверенных слуг, остальные на ночь покидали стены Линя. Везде царил нищета, лишь крыло, в котором располагались покои барона и его сына, изобиловало роскошью. Ковры, гобелены, добротная мебель, огромные кровати, изысканная посуда и оружие, богато украшенное камнями и чеканкой. И украшения. Много женских украшений. Виктория уже знала, что Кайрат не планировал надолго оставаться на фронтире и заранее перевел свои богатства в более удобный для транспортировки вид. Ему было обещано место начальника канцелярии при дворе короля Айро Третьего.

Пока конт лежал в постели, Тур читал ему допросные листы. Алвис поделился сведениями, правда, очень дозировано. О самом заговоре, о том, кто его спонсирует и кто является идейным вдохновителем, ксен ничего не сказал. В тех документах, которые попали в руки Алана Валлида, в качестве главного злодея фигурировал герцог Вас'Хантер. Но Виктория не была недалеким опальным контом с фронтира, который мог бы проглотить эту информацию. Она умела думать, слушать и сопоставлять факты. А факты говорили о том, что у этой истории растут ушки, и растут они из Храма. Слишком затратное дело дворцовые перевороты. Собрать армию вдали от Наместника, разослать людей на поиски подходящего человека, подкупить знать, заплатить тем, кто распускает сплетни, найти козла отпущения в лице герцога – недешевое мероприятие. А значит, терять бдительность не стоит.

А еще рядом с замком находились выпарные пруды горцев. Соль здесь добывали способом, известным на земле более четырех тысяч лет. Именно на озера первым делом потащили Алана вожди игушей. Гихард, сопровождаемый тремя старейшинами, радостно потирал руки.

– Надо углубить, закрепить края, почистить каналы, и можно заливать воду, – внимательно осмотрев все пять пересохших прудов, заявил один из старцев, довольно поглядывая на Гихарда.

– Стоп! – Конт поднял руку. Ага, как же! Горцы будут обогащаться, а он – стоять в стороне? – А как вы собираетесь отправлять соль на континент?

– Перекупщики. – Гихард внимательно поглядел на Алана. – А давай-ка мы обсудим этот вопрос в тени серебролиста за наполненными бокалами. Заодно познакомись с моей старшей дочерью. Красавица! – прищелкнул вождь губами, подмигнув обреченно вздохнувшему конту.

Иверт за спиной Алана тихо засмеялся. Смешно ему. Вот и женился бы! И Сарх, и Ведмедь так и не оставили желания подсунуть холостому хозяину Крови еще парочку девушек. Даже маркиз Генри Раман осторожно посоветовал конту взять в дом одну или двух дочерей горцев. Конечно, не в качестве официальных жен, а как матерей своих детей. Вокруг Алана постоянно крутилось несколько зеленоглазых красавиц. Но ни одна из них не тронула сердце конта. Он улыбался девушкам, но глаза при этом оставались печальными. Иверт это замечал, и все чаще на лицо телохранителя набегала тень. Зира ничего не сказала брату, только грустно сообщила, что сердце конта разбито из-за неразделенной любви. Виктория покосилась на Иверта. Разговор между братом и сестрой подслушал Оська и тут же сообщил о нем конту за пирожок с малиной. В тот момент, когда шут рассказывал о беседе, Виктория молилась всем известным богам, чтобы Зира не выдала ее секрета. Иначе... она даже не представляла, как бы смогла смотреть в глаза своему телохранителю. Иверт все же принес конту клятву верности и теперь не отходил от Алана ни на шаг – зорко следил за окружающими. Они с Рэем сами обо всем договорились. Капитан вздохнул с облегчением, когда рядом с контом замаячила стройная фигура горца, и полностью переключился на дела гарнизона Осколка. Да, замок теперь назывался так: «Осколок моего сердца». Как и приказал господин Алан Валлид. Но для быстроты все называли его просто «Осколок». Виктория смутно помнила об этом своем приказе, но название ей приглянулось. Она не хотела, чтобы хоть что-то напоминало о бароне Кайрате. Вот только сожаление о его сыне иногда мелькало в душе. Может быть из мальчишки вырос бы нормальный человек? Теперь она об этом никогда не узнает. В то, что парень отравился сам, Виктория не верила. Слишком хорошо она успела узнать методы Алвиса. Не одобряла, но понимала.

Алан при помощи Иверта забрался в коляску – ездить верхом он пока еще не мог, и Берт на пару с вездесущим Оськой раскопали где-то старую дребезжащую двуколку. Они ее вымыли, смазали скрипящие оси жиром, устлали внутри коврами и подушками, запрягли сероголубого понурого ослика, в гриву которого шут вплел цветные ленты, и торжественно вручили поводья смеющемуся конту, предварительно украсив их цветами и колокольчиками. Ну, прям свадебный возок. Когда Виктория попыталась возмутиться по поводу пестроты и нарядности упряжи, Берт непонимающе заявил: «Так красиво же, сразу видно – господин едет». Теперь, когда начинали звенеть колокольчики, все в Осколке знали – Алан Валлид куда-то отправляется.

Они направились к замку, и Виктория следила за Гихардом Ведмедем, который ехал рядом верхом на своей рыжей кобыле и внимательно слушал увлеченно размахивающих руками старейшин. Она до сих пор не поняла, что он за человек. Гихард ходил по замку, как старый еврей по доставшейся ему в наследство ювелирной лавке. Он щупал стены, открывал и закрывал двери, заглядывал во все закутки и задавал массу вопросов слугам и рабам. Брат Турид записал его в шпионы и несколько раз приходил к конту жаловаться на любопытного горца, Рэй косился на игуша с недоверием, Кусь рычала, а Райка презрительно игнорировала. И только довольный неугомонный Оська таскался следом, составляя Ведмедю компанию во всех его изысканиях, а вечером на стол конта ложился доклад шута, написанный аккуратным почерком Тура. Пока горец не сделал ничего такого, чтобы заподозрить его в измене. Но на замок он смотрел взглядом хозяина, и это немного напрягало. Иверт отзывался о нем как о старом хитром лисе, с которым нужно держать ухо востро, но уверял, что слово свое вождь держит крепко. Главное, чтобы он его дал. А вот давать слово Гихард не торопился.

– Бешеный Алан, – начал Ведмедь, когда они, сытно пообедав, откинулись на подушки в шатре горца. Хотя в замке и хватало комнат, игуши предпочитали спать в собственных шатрах. – Тебе не приглянулась ни одна из моих дочерей?

Опять двадцать пять! Две девушки с улыбками смотрели на конта. Симпатичные, но...

– Гихард, давай говорить о делах. – Конт протянул одной из девушек руку, и она пересела к нему поближе. Алан улыбнулся. – Почему ты хочешь пойти со мной?

– Вождь приказал. Ты сильный, большой, красивый. Дети от тебя будут здоровыми.

Иверт что-то быстро заговорил на своем наречии. Девушка вскочила на ноги и вместе с сестрой выбежала из шатра. Интересно, что он им сказал?

– Я все понял, Бешеный Алан. Больше не буду тебе предлагать в жены своих дочерей. А теперь давай перейдем к решению наших вопросов. – Ведмедь бросил на Иверта недовольный взгляд, но телохранитель конта его проигнорировал.

Виктория отправила Берта за Туром и братом Взывающим. Они лучше нее знали положение дел в стране. Когда в шатре собрались все заинтересованные стороны, начался торг. Виктория хотела иметь долю с добычи соли. Что бы там игуши не думали, а это были ее земли, и упускать свою выгоду она не собиралась. На себя она брала доставку соли на рынки континента. Взывающий пообещал помочь наладить связи с торговцами. А еще у Виктории имелся корабль, который достался Алану Валлиду как трофей. Капитана корабля вздернули на замковых воротах, а хозяин повесился в своей комнате не без помощи Искореняющего, и его собственность стала собственностью конта. Небольшое парусно-весельное одномачтовое судно с высокими бортами. На таких судах местные перевозили грузы и рабов. Как пояснил Алвис, эти суда использовали в неглубоких водах, в основном они плавали вдоль побережья, где проходили быстрые теплые течения. Обслуживало такое судно всего двенадцать человек. Даже вместе с грузом посадка корабля составляла не более двух с половиной метров. Именно на нем ушел Искореняющий, но моряки, которых здесь называли «морские люди», обещали вернуться через десятницу. С ними ушел десяток воинов маркиза. Для гарантии их возвращения. Впрочем, после тесного общения с Дланью те из моряков, которые остались живы, приняли руку конта и принесли ему клятву верности, изрядно подкрепленную золотом. Виктория была человеком двадцать первого века и не верила в клятвы, даже если залогом их выполнения являлась жизнь близких. Тем более что половина матросов оказалась рабами. Она считала, что клятвы клятвами, а жалование не помешает. После такого бывший боцман, а ныне капитан корабля, проникся к конту большим уважением и даже предложил неплохой план обогащения. Но об этом пока говорить было рано, требовалось дождаться моряков и посмотреть, как они выполняют ее первое задание, а пока следовало поторговаться с горцами.

Алан повернулся к ксену и вопросительно поднял брови.

– Мы сами будем продавать соль, через своих людей. Кроме соли мы можем продавать лошадей, меха, жемчуг, раковины и древесину. – Взывающий наклонился к Гихарду. – Попоплам!

– Но мои люди будут для этого работать. А что будут делать ваши?

– А наши будут это доставлять, охранять в пути, продавать, договариваться, платить подати, закупать то, что нужно здесь, на фронтире, – брызгал слюной Турид, загибая пальцы перед носом Ведмедя. – По какой цене ты продаешь жемчуг?

– По весу серебра.

Виктория видела местные весы. Ничем не отличались от земных аптечных. В одну чашу складывали жемчуг, а в другую серебряные монеты. Полновесная серебряная монета здесь весит около двадцати грамм, но сколько в ней чистого серебра, а сколько примесей, она не знала. Насколько Виктория помнила из истории, у Екатерины II были бусы из тридцати черных жемчужин. Крупных. Самая большая из них весила около четырех грамм. Здесь жемчуг

водился некрупный, но очень чистый. Пусть три грамма. Выходит, за одну серебряную монету продавали около семи жемчужин.

– А сколько стоит жемчуг в королевстве? – повернулся конт к Взывающему.

– Вот! – поднял палец брат Турид. – Верный вопрос! Жемчуг дороже алмаза. Серьги с белым жемчугом стоят от трех до пяти золотых, а с голубым доходит и до десяти.

– Отчего так дорого? – удивилась Виктория.

– Кир Алан, – укоризненно покачал головой ксен. – Вам не помешало бы поговорить с мастером Семоном.

– Иногда ты мне кажешься очень тупым, Алан-балан. Потому что раковины сулейматов живут только в нескольких местах. Возле наших островов и здесь, – раздался голос Оськи. Шут тихонько сидел у порога и внимательно прислушивался к разговору. – Они любят течения, соль и свет. В других местах их слезы маленькие и неровные.

– А еще никто не станет торговать с горцами. Их представители не входят в цеха ювелиров, не платят торговую пошлину и не являются гражданами королевства. Официально горцев не существует. Их земли номинально входят в состав нашего королевства, но сами игуши об этом не знают, – добавил брат Взывающий, пристально глядя на Ведмеда. Тому эти слова не понравились, но он кивнул, соглашаясь с ксеном.

Известия о ценах на украшения с жемчугом выбило Гихарда из равновесия, он поклялся выпустить кишки перекупщикам и развесить их на деревьях. Но зато согласился наконец-то на половину прибыли. Так как горцы не доверяли бумаге, договор скрепили клятвами и откровенными намеками на союзный брак, о чем конт Алан торжественно пообещал подумать. А еще договорились, что люди Гихарда, как и люди Гривастого Волка, могут останавливаться в Осколке и использовать бухту для выхода в море. За что они должны будут патрулировать окрестности. Когда об этом сообщили наместнику, Серый нахмурился, но возражать не стал. Он сам хотел просить помощи у горцев, пока численность гарнизона не дойдет до положенных пятидесяти человек, хотя игушам не доверял, особенно Ведмедю. Если Сарха сдерживал долг крови, то рычагов давления на Гихарда у конты не было. Поэтому Серый, испросив у Алана разрешение привлекать рабов и весчан, спешил набрать людей и начать обучение. Через день за стенами Осколка уже красовалась полоса препятствий, и Оська давал концерт первым мученикам.

Посоветовавшись с Рэем и Сархом, Виктория решила сделать Осколок своей летней резиденцией. Она собрала местных мастеров и отправила их в Кровь, чтобы они на месте посмотрели, что именно хочет увидеть в своих покоях к холодам новый владетель. С ними на подводах уехали некоторые рабы, нуждавшиеся в помощи друиды, и связанная Олика. Остальных рабов загнали в баню, потому что ксен заявил, что такого количества вшей он никогда не видел. Виктория приказала безжалостно всех обрить и обработать настойками трав от паразитов, затем велела раздать новую одежду из сундуков барона, а старую сжечь, вымыть кипятком барак и набить матрасы свежей соломой. А всю постель прокипятить. Рабов у Кайрата было немного. Всего двадцать три человека, в основном мужчины и молоденькие девушки. Они сказали, что господин продал большую часть рабов, оставив лишь тех, кто работал в доме и обслуживал наемников.

Наконец, отдав последние распоряжения, они выехали в Кровь. На душе было неспокойно, словно Виктория забыла сделать нечто важное. Не доверяла она горцам, поэтому оставила в Осколке десяток своих воинов, доведя численность боеспособного гарнизона до тридцати человек. Да еще в приватной беседе с Серым посоветовала капитану держать горцев за стенами, пускать внутрь только вождей с домочадцами, да и за ними внимательно следить.

Виктория ехала в двуколке, только на этот раз в нее запрягли нормальную лошадь. «Пора усовершенствовать рессоры», – подумала она, в очередной раз подпрыгнув на ухабе.

– Эй, Бешеный Алан, – к ней подъехал Иверт. – Если ты сможешь немного подняться в гору, я тебе покажу что-то интересное.

Что-то интересное – это интересно. Виктория осторожно спустилась на землю. Тут же подскочил Берт, подставил плечо. Рэй, недовольно сопя, шагнул рядом. Они медленно поднялись метров на сто, и вдруг идущий впереди Иверт просто исчез.

– Куда этого жабьего сына Вадий утащил? – растерянно произнес Рэй и по привычке потянулся за пазуху за очередной морковкой.

Иверт выскочил из-под земли, словно черт из табакерки. Он довольно лыбился, обнажив белоснежные зубы, при этом его зеленые глаза хитро блестели.

– Молчун Рэй, помоги конту спуститься, – и горец вновь исчез под землей.

Только подойдя ближе, они увидели в скалах узкий проход, закрытый высоким папоротником. Зря Иверт просил капитана помочь своему господину спуститься, Рэй в проход не пролез. Плечи застряли. Зато худощавый Берт и отощавший после болезни конт проскользнули внутрь, словно два ужа.

Внутри их ждал Иверт с горящим факелом в руках, он провел мужчин по узкому проходу, спускающемуся вниз, и вывел в маленькую полужасыпанную пещерку.

– Смотри, Бешеный Алан, рисунки предков, – Иверт поднял факел выше.

Сначала Виктория ничего не увидела, но горец поднес факел к стене, и она чуть не заорала. На каменной стене было вырезано схематическое изображение города. Высотные дома, широкие улицы, по которым ехали автомобили, люди, одетые в брючные костюмы, по небу летел самолет, а вдалеке расцветал гриб ядерного взрыва. Лазерный тесак?

– Эй, еще смотри, что мы откопали, – Иверт легонько стукнул конту по плечу, указывая в сторону.

В каменистой стене была выдолблена ниша, а в ней лежала немного деформированная, но целая пластиковая бутылка! «Время разложения от пятисот до тысячи лет», – вспомнила Виктория. Когда же произошла катастрофа на этой планете? Она дрожащими пальцами провела по пластику и осторожно взяла бутылку в руки. Такая обычная там и такая чуждая здесь.

– Мы нашли эту пещеру, когда были детьми, она открылась после очередного оползня, – проговорил Иверт, внимательно наблюдая за конту. – Здесь обнаружилось много интересного. Стекланные сосуды странной формы, куски неизвестного нам материала, прочного и негнущегося. Мы решили ничего не говорить взрослым. Но потом произошел очередной обвал, и половину пещеры засыпало. Ты знаешь, что это?

– Пластик, – прошептал Алан по-русски, осторожно кладя бутылку на место. – Берт, возьми рабов, раскопайте завал. Я хочу, чтобы вы нашли все, что засыпано землей!

– Сделает, – задумчиво покачал головой Иверт, глянув на ошарашенного Берта, рассматривающего картину на стене. – Когда ты сможешь много и долго ходить, я отвезу тебя в Город древних. Там есть такое, – он ткнул пальцем в рисунок на стене, указывая на памятник, изображающий какую-то абстракцию.

– Обязательно. – И тут Виктория вспомнила. – Иверт, а что ты сказал дочерям Ведмеда?

– Что у Бешеного Алана тоже есть сердце, и это оскорбление – предлагать ему роль жеребца вместо любви. Что женщины ведут себя как равнинные шлюхи, пытаясь соблазнить мужчину моей сестры.

Остальной путь они проделали молча. Виктория пребывала в шоке от увиденного и не замечала настороженных и задумчивых взглядов, которые бросали на нее горцы.

– Конт! Конт вернулся!

Крик часового вызвал в душе бурю эмоций. Дома. Наконец-то она дома.

Встречать конта вышли все жители Крови. По крайней мере, именно так показалось Виктории. Но первой к конту подбежала Светика. Она с плачем кинулась на шею Алана и со всей присущей ей непосредственностью запричитала:

– Живой! А мы же не верили! Думали, пропал наш господин! Сгинул во вражьей пасти! Чтoб их Ирий светлый проклял да Вадию на суд отдал! А Нанни как жалко-о-о! Но, слава Ирию, вы живой!

– Светика, отпусти кира Алана, – Берт потянул девушку за плечи.

– Бертушка! – Она наконец-то перестала обливаться слезами и переключилась на Берта. – Бертушка! Сиротинушка! Я так волновалась! Как же ты теперь будешь без матушки? Кто приласкает, пожалеет?

После такого бурного проявления чувств вновь нахлынула тоска по Нанни. «Светике плакальщицей надо работать», – подумала Виктория и нашла взглядом друиду. Ворожея улыбнулась одними глазами и махнула конту рукой в сторону пристройки.

– Пойдем, я тебя осмотрю.

Женщина развернулась и пошла, ничуть не сомневаясь, что конт последует за ней. И Алан последовал. Предварительно отдав Берту и Иверту короткие приказы. Здесь и без него разберутся. Рэй уже выслушивал доклад одного из десятников, Тур и Дарен исчезли сразу, едва успели слезть с лошадей, рабы разбирали багаж, им помогали слуги, у повозок раздавался зычный голос Райки, командующей разгрузкой телеги с рыбой и вином.

В комнате друиды пахло травами и мужчиной. Она заперла за Аланом двери и коротко приказала:

– Раздевайся.

– Я тоже по тебе соскучился, – улыбнулся конт, неуклюже стягивая рубаху. – Знаешь, я решил выделить тебе флигель под лечебницу. Оборудуем там большой хороший кабинет и лабораторию. В одной комнате будешь жить сама, а в другой сделаем комнату для больных. Разгородим занавесками, поставим несколько кроватей. Хватит тебе здесь с Саникой ютиться.

– Хочешь привязать меня к Крови, конт? – хмыкнула ворожея, внимательно ощупывая и осматривая раны и следы ожогов. – Шрам на груди останется, – недовольно пробурчала она. – Повернись спиной, гляну, что там под повязкой. А ты пока рассказывай.

И Виктория рассказала. Почти все.

– Выходит, они за Нанни охотились? А она им не сказала то, что они хотели. А твоя любовница выдала им Нанни! – жестко закончила друида, надавив на рану от стрелы.

– Ой!

– Гноя нет, – тихо произнесла женщина, намазывая плечо знакомой уже конту зеленой мазью и туго забинтовывая чистыми тряпками. – Какое слово она перед смертью сказала?

– Чупачурик.

– Никогда о таком звере не слышала. Но я спрашиваю у своих. А Олике твоей люди самосуд устроили. Зря ты ее одну отправил, без охраны. Серый, как за Райкой приезжал, рассказал правду, ничего не утаил. Зол он был. И про смерть Нанни мученическую, и про вину твоей любовницы, и про муки, что тебе пришлось из-за ее предательства перенести. Вот люди и осерчали. Любят тебя, конт.

– Интересно, за что? – усмехнулся Алан.

– Вот и я себе такой вопрос задаю. Одевайся.

Пока конт одевался, друида рассказала новости.

– Дочь твоя дурная сбежала в свою веску на следующий день после того, как ее привезли, но мать привела девочку назад. Весчанка просила, чтобы простил глупую девчонку, которая не понимает своего счастья, что бы тебе ни говорили. Васку пока поселили в комнате Тура, служанку к ней приставили из рабынь. Ревет, дуреха, все время. Совсем дикая. Рыжая кобыла ожеребилась. Конька родила. Симпатичного и здорового. Еще – рабыня брюхата. Прятали ее

до сих пор от тебя, бояться все еще. Помнят, как ты приказал матери удавить своего ребенка. Прости. Знаю, что это был не ты. Но теперь спрятать рабыню не удастся, рожать ей на днях. Тоже ревет с утра до ночи, поговорил бы ты с ней, конт. Девка-то хорошая, работающая, красивая. Вот думаю, не ты ли ее обрюхатил? Саника учится. Спина у него подзажила, толковый мужик, может, в мужья взять? А, конт, что скажешь?

Виктория усмехнулась: можно подумать, друиде нужно одобрение контя.

– Что с Оликой? Насмерть забили?

– Светика не дала. Хотя первая в волосы ей вцепилась. Да только, когда камни в ход пошли, встала на защиту. Сказала, что ты не одобришь самосуда. Будет из девки толк. Только смотри, конт, не испорти ей жизнь.

– Даже в мыслях не было, – возмутился конт, поворачиваясь к друиду, чтобы она помогла зашнуровать рубаху.

– Она же по тебе сохнет, а любовь – штука коварная, конт. Горит у девок от любви и свербит в одном месте. Гляди. И что бабы в тебе находят? Худющий, один нос торчит! – Ворожея завязала тесемки и повязала на талии мужчины пояс владельца.

– Я обаятельный. Но спасибо, что предупредила. Я думал, она в Берта влюблена. Пошли, ворожея, Олику судить будем.

– Повесить, да и весь сказ, – буркнула друида и подозрительно уставилась на контя, даже руки в бока уперла. – Уж не хочешь ли ты и эту ... помиловать?

– Не хочу, – серьезно глядя ей в глаза, ответил Алан. – Саника покушался всего лишь на мою жизнь, а эта тварь убила мою Нанни. Такое я никому не прощу.

Двор был заполнен людьми. Конт при помощи Берта поднялся на помост, слуга надел ему на шею золотой герб владельца и тихо отошел в сторонку. Друида, Иверт и Рэй стали за спиной. От них исходила мощная волна поддержки, которую Виктория ощущала каждой клеткой кожи. Двое воинов приволокли Олику и бросили под ноги конту. Виктория смотрела на первую красавицу Крови и не испытывала ни капли сострадания. Опухшее расцарапанное лицо, изодранная одежда, через которую виднелись синяки и кровоточащие раны, сбитые колени и локти.

– Пощады! – высоким визгливым голосом закричала она, поднимая к конту избитое лицо. – Это не я! Это барон! Меня оклеветали! Я люблю вас, кир Алан! Всегда любила! – Женщина подползла к конту и обхватила руками его колени. – Разве нам было плохо вместе? Я только вас люблю. Только вас.

– Уберите ее, – брезгливо произнес Алан.

– Нет! – продолжала кричать и извиваться Олика, когда двое воинов привязали ее к длинной скамье, на которой недавно корчился под кнутом Саника. – Нет! Пощады! Меня оклеветали! Люди! Люди, поверьте!

Палач всунул ей в рот кляп и повернулся к конту, тот поблагодарил мужчину кивком головы. Слушать эти вопли было невыносимо, Виктория боялась дать слабину. Она окинула взглядом людей, ища в лицах жалости или сострадания. Литина с Дареном и Туром стояла в стороне, увидев взгляд бывшего мужа, она слегка кивнула, подбадривая и одобряя. Несколько женщин плакали, парочка мужиков смотрела на Олику с сожалением, остальные же стояли хмурой молчаливой толпой. На пороге кухни, сложив на груди руки, застыла Райка, и в ее взгляде пылала такая ненависть, что Виктория порадовалась, что не ее ненавидят так сильно.

– Начинай, – кивнул Алан Рэю.

Капитан вышел вперед, достал из кармана лист бумаги и своим низким раскатистым голосом произнес:

– У меня тут допросный лист барона Кайрата Линя, подписанный братом Искореняющим. В нем написано, что Олика всегда служила барону. Следила, значит, за нашим контком, докладывала обо всем, что он делает. Спала с ним по приказу барона. А еще здесь написано,

что это она рассказала врагам, когда и куда собирается кир Алан и сколько с ним будет воинов. Из-за нее погибли наши бойцы, из-за ее предательства наш господин попал в плен и перенес пытки. Она же привела к барону и Нанни. Я прошу смерти для этой девицы!

– Я требую смерти для предательницы, – выступила вперед ворожея. – Я вижу, что боги отвернулись от нее, а нам негоже идти против их воли. Что скажешь, брат Взывающий?

Из толпы вышел ксен. Уставший, еще больше похудевший, но с прямой спиной и решительным блеском в глазах.

– Она ведь не только кира Алана под смерть подвела, она и его сына продала. Боги спасли детей, а ведь даже страшно подумать, что с ними могли сделать заговорщики, через какие муки провести. Ирий учит нас быть добрыми к детям, Олика пренебрегла его заповедями. Смерть. Без пощады, – тихо, но отчетливо произнес он. – Я буду взывать к Вадию за ее душу.

Так уж сложилось: после первого суда, проведенного Аланом в качестве владельца, эти трое стали исполнять роль присяжных, и Виктория не собиралась менять правила.

– Да будет так. Удавить, а труп сжечь.

Палач набросил на шею Олики петлю удавки. Виктория смотрела, как дергаются ноги бывшей любовницы ее реципиента, и не испытывала ничего. Ни сожаления, ни жалости, ни сочувствия. Ничего. Кем же ты становишься, Виктория Викторовна Вавилова? И сама себе жестко ответила: «Контом Аланом Валлидом. Как сказал ксен? Без пощады!»

Без пощады!

– Берт, скажи Райке, чтобы подала в кабинет вина и сыра, и приведи баронессу Василию. Пора мне познакомиться со своей дочерью.

Глава 2

*Пришел на суд богов ватажник и убивец,
и не увидел Вадий в нем доброты и веры,
и назначил ему наказание, но брат его остановил.
Посмотрел Ирий на дух ватажника
и почувствовал разбойник стыд от взгляда его кроткого,
и понял он, что жизнь вел неправильную.
И раскаялся, и стал первым среди служителей.*

XX Песнь Жития

Виктория аккуратно отмерила пять капель зелья, разбавила их водой и выпила, с благодарностью вспомнив Алвиса. Этот пузырек был из ее личных запасов, и она пользовалась им только в особых случаях, когда боль становилась слишком сильной. Не хотелось пугать Рэя, который мог запереть конту в спальне, привязав к кровати для его же блага. Настойка снимала боль почти моментально, но после нее притуплялись все чувства, и хотелось спать, поэтому она старалась пить ее только на ночь.

Виктория сидела за столом и просматривала списки, которые принес Саника. Раб, одетый в новые штаны и рубашку, по привычке опустился на корточки у стены. В списках мастера проставили цены на каждого раба и суммы предлагаемого вознаграждения.

– Скажи Светике, чтобы принесла хозяйственные книги, они в сундуках у Нанни.

Виктория хотела сравнить цены на рабов в момент покупки и сегодня. В дверь постучали, зашла Райка с подносом. Она выставила тарелки на стол, но не ушла. Виктория подняла на кухарку глаза.

– Вы не должны себя винить, – нехотя произнесла женщина. – Олика заслужила лютой смерти.

– Райка, – конт с удивлением посмотрел на повариху. – Скажи мне, отчего ты решила, что я расстроюсь?

– Ну, она же... спала с вами, – тихо произнесла Райка. – Я подумала, что, может, ну... если нет, то я пойду?

Она дождалась кивка конту и вышла из комнаты. Виктория задумчиво отпила из бокала, прислушиваясь к ощущениям. Ни капли сожаления, угрызений совести, печали или злобной радости. Слово не человека только что лишили жизни по ее приказу, а курицу зарезали. Абсолютное безразличие. Это немного пугало, но только немного.

Она успела съесть бутерброд и запить его слабым кислым вином к тому моменту, когда вернулся Саника в сопровождении Светики и крепкой черноволосой девочки с зарезанными глазами. Следом в комнату юркнул Тур и, склонившись к уху конту, зашептал по-русски:

– Иди новый ксен.

– Пришел, – поправил Алан. – Приставь к нему мальчишку. И вели Берту приготовить мыльню.

Тур кивнул и выскользнул из помещения, бросив на девочку недовольный взгляд. Она зыркнула на него исподлобья и уставилась в окно. Ну да, какая из нее баронесса? От отца она взяла лишь цвет волос. Простое лицо, серые глаза, ровные волосы, собранные в косу и покрытые по-крестьянски завязанным сзади платком. Виктория с любопытством рассматривала девочку и с ужасом понимала, что не испытывает к ней никаких чувств. Если Тур и Ольт моментально пробудили у нее материнские инстинкты, Дарена она приняла сразу и безоговорочно, то эта девочка с колючим взглядом показалась ей абсолютно чужой. Сложно будет. Виктория чувствовала, что никогда не сможет полюбить этого ребенка. Поднялась злость на Алвиса, который столь безапелляционно вторгся в жизнь крестьянской семьи. Не спросив у

девочки желания, круто изменил ее судьбу и даже не задумался, сможет ли этот ребенок принять такие перемены.

– Кирена Василия, вы завтракали?

– Мое имя Дашка! – с вызовом ответила девочка. – И никакая я тебе не кирена! И есть твой хлеб я не буду!

Громко ахнула Светика, зажав рот ладошкой.

– Сколько тебе лет? – спокойно глядя на девочку, спросил Алан.

– Девять, – буркнула Дашка.

Ну, вообще! Это в каком возрасте реципиент начал девок портить? Не удивительно, что Дарен и Дашка практически ровесники. Видать, господин юношеский пыл в штанах удержать не мог, вот и детей настругал больше, чем надо. Сексуальный маньяк!

– Садись и жди, пока я закончу дела, затем поговорим. – Конт, не обращая больше внимания на дочь, погрузился в записи.

Нынешние цены на рабов были значительно выше, чем при покупке. Но так как Виктория не собиралась их продавать, то никакой выгоды это ей не сулило. Она поманила к себе Санику, и они еще полрыски обсуждали, кому и до какого предела можно снизить выкупы. Наконец и этот вопрос был решен.

– Объяви рабам мое решение. – Виктория откинулась на стуле. Давали о себе знать раны и усталость после дороги. Больше всего сейчас хотелось завалиться в постель.

– Хозяин, можно вопрос? – тихо спросил раб, когда они закончили, и Светика ушла, чтобы спрятать в сундук книги. Конт кивнул. – У меня будет шанс выкупиться?

– Я подумаю, – Алан внимательно посмотрел на Санику. – А что ты станешь делать, когда получишь свободу?

– Женюсь на друиде, если она согласится, – не задумываясь, ответил мужчина. Видно, давно для себя это решил. – Она меня спасла, да и женщина хорошая.

Виктория улыбнулась.

– Думаю, у тебя будет такой шанс. Как продвигается строительство деревни за стенами замка?

– Три сруба уже поставили. Название надо бы дать, – чуть улыбнулся одними губами раб.

– А что тут думать? Свобода. Веска Свобода.

Когда раб ушел, конт повернулся к дочери.

– И что мне с тобой делать?

– Я все равно сбегу. Не буду жить в этом доме! – выпалила девочка.

– Ты ведь знаешь, что, выйдя замуж за барона, ты стала баронессой. Ты знаешь, кто такие бароны? – Виктория пыталась говорить спокойно, но в груди потихоньку начинало расти раздражение.

Девочка неуверенно кивнула.

– Мне ксен рассказывал. Тот, что обряд проводил.

– Твой муж умер, и теперь ты вдова. Подумай, ты станешь жить в замке, тебе не придется работать в поле и по дому. У тебя будут слуги, учителя, а когда вырастешь, сможешь найти себе достойного богатого жениха. Разве тебе не хочется иметь украшения, красивые платья, собственного коня, брата?

– У меня есть брат! – выкрикнула девочка. – И мама, и папа! Они меня любят и ждут! А тебя я ненавижу! – Она вдруг опустилась на колени и заплакала. – Отпусти меня, хозяин, Ирием умоляю!

Виктория смотрела на рыдающую девочку и понимала, что не сможет удержать ее в замке. Да и не захочет.

– Светика, пригласи ксена. И принеси золотой для моей дочери.

Брат Турид пришел быстро, вник в проблему и, подумав несколько минут, выдал решение. На один год Василия возвратится к матери. Весь этот год она будет обучаться у местного ксена грамоте, а на праздники приезжать в Кровь. Через год станет ясно, как девочке жить дальше. Еще полчаса потребовалось на составление письма Слушающему, и через рыску счастливую Дашку с мешком, в котором лежали нарядные платья и обувь, двое воинов под осуждающие и непонимающие взгляды слуг повезли домой. Виктория вздохнула с облегчением и зареклась разыскивать дочерей.

– Через день назад привезут, побоятся, что через год вы ее не захотите забрать, – буркнул Рэй, догрызая морковку. Они стояли на замковой стене и смотрели вслед всадникам. – Ее мать как узнала, что вы девчонку признали, от счастья три свечи Ирию поставила.

– Откуда знаешь? – поинтересовался конт.

– Слушающий в донесении написал. Они теперь раз в десятидневку доклады шлют о делах в весках. Пишут нашему ксену, а он уже мне дает читать.

– Это хорошо, – кивнул конт, задумчиво глядя вдаль. – Но будем надеяться, что золото, которое я ей дал, примирит ее мать с действительностью.

Иверт и Рэй скептически переглянулись.

– Бешеный Алан, помнится, хотел женить Тура на своей дочери, – усмехнулся Иверт, весело косясь на секретаря.

Дарен и Тур, перегнувшись через парапет, пытались что-то высмотреть внизу.

– Вот еще! Тура женить на этой плаксе! – возмутился Дарен, поворачиваясь к игушу. – И вообще, Тур обещал, что он женится на дочке папы и Зиры!

Сначала Виктория не поняла, отчего все замолчали и устали наонта с различной степенью заинтересованности. Дарен с надеждой, Тур чуть испуганно, Рэй напряженно, а Иверт весело.

– Что?

– Папа, брат Искореняющий сказал мне, что Зира носит твоего ребенка, – тоном «папа, ты тупой» сообщил Дарен, бросая на землю камешек и не замечая, что все смотрят на него. – А Тур сказал, что если это будет девочка, то он на ней женится! – пояснил он. – Ты ведь разрешишь?

Все дружно перевели взгляды наонта. А Виктория вдруг поняла, что ноги ее не держат. Она медленно села на камень. Зира беременна. Но как такое может быть? Они ведь всего один раз. И почему она ничего не сказала? Даже не намекнула? Пришла, просидела с Аланом всю ночь и даже не сказала! Почему? Не хочет, чтобы конт знал? Боится, что он заберет ребенка? Не уверена, что он обрадуется? Но разве Алан давал повод так о себе думать? Или просто не хочет навязываться? И конт ей не нужен, а нужен лишь его ребенок? Почему-то последняя мысль вызвала горькую обиду.

– Кир Алан? – Рэй смотрел с тревогой.

– Иверт, это правда? – требовательно спросил конт, пристально глядя в глаза игуша. В такие же зеленые глаза, как и у его сестры. Горец кивнул. – Но почему она мне не сказала? – Голосонта прозвучал слегка обиженно.

Иверт присел напротив и, протянув руку, вытащил из-за пазухионта Валлида серебряную ласку.

– Бешеный Алан, сестра дала тебе свой знак. А это означает, что она назвала тебя отцом своего ребенка. Она все тебе сказала, но ты не понял.

– А у тебя три разных зверушки, – наябедничал Дарен. – Я видел, когда ты пришел в веску.

– Эй, их уже нет, – пожал плечами горец, поднимаясь и отходя в сторону. – Я вернул их женщинам, когда они решили взять себе мужей. Теперь мои дети других называют папой.

– А тебя это не задевает? – с любопытством поинтересовался Рэй, вытаскивая из-за пазухи очередную морковь.

– Я не готов заводить семью, – весело оскалился Иверт. – Я вольный ветер. Но в трех племенах я посеял свое семя, – гордо добавил он.

Сеятель, елки-моталки! Виктория прислушалась к себе. Слова телохранителя не вызвали в ее души ревности. А вот известие о беременности Зиры шокировало. В голове никак не укладывалось, что она будет папой. Папой! У нее будет ребенок, но этого ребенка выносит не она, а другая женщина. Бред какой-то!

– Оставьте меня.

Черт! Папа! Она повторила слово вслух, покатала его на языке. Вспомнила, как муж радостно подхватил ее на руки, когда узнал о первой беременности. Нахлынули другие воспоминания. Утренний токсикоз, сентиментальность, плаксивость и первый удар ребенка. Живот, мешающий наклониться, муж, нежно целующий выпирающие в самых неожиданных местах пятки, локти, коленки малыша. Усталость и счастье, когда на грудь положили маленький розовый комочек...

...И горький стыд за свое поведение во время последней встречи с Зирой. Что она подумала о конте? Захочет ли такого отца ребенку? Им нужно поговорить. Обязательно поговорить. Как она видит будущее? Сможет ли жить здесь, в Крови, вдали от своего племени? Нужно разобраться в своих чувствах. Сейчас Виктория была растеряна, но, когда она представляла маленького зеленоглазого малыша, похожего на Иверта, у нее теплело на сердце, и в душе разливалась нежность. Она видела этого ребенка в своих мыслях, держала его на руках и уже любила. Возможно, конт Алан сумеет полюбить женщину с такими знакомыми и родными зелеными глазами? А если не сумеет, то все равно попытается быть ей другом или мужем, как она решит. Ради их малыша.

– Бешеный Алан, – горец подошел неслышно. – Здесь холодный ветер. Друида велела тебе идти в дом. Рана может воспалиться.

Алан повернулся к игушу и широко улыбнулся.

– Иверт, знаешь, я счастлив.

Горец подошел к конту и крепко его обнял, прижав к себе.

– Я знаю, – тихо сказал он. – Я рад за тебя, Бешеный Алан. Твое сердце кровоточит, но ребенок сможет его вылечить, – он отстранился, не убирая с плеч конта рук, и грустно добавил: – А я нет.

Она все поняла и словно услышала, как с громким звоном разлетаются осколки нелепых, ненужных, наивных мечтаний. Та малость, что еще оставалась в ее душе, поддерживая крохи надежды на счастье.

Со стены они спускались в полном молчании. Внизу их ждал брат Турид, возле которого маячила долговязая фигура в сером балахоне. Ксен сделал решительный шаг к конту, но Иверт загородил ему дорогу, выставив вперед руку.

– Эй, стой! Кир Алан плохо себя чувствует. Все вопросы будут решаться завтра.

Виктория была ему за это благодарна. Она никого не хотела видеть. Никого.

Придя в комнату, не раздеваясь, бросилась ничком на кровать и, зажав зубами угол подушки, беззвучно разрыдалась. Она еще не знала, что это последние слезы печали, пролитые Викторией Викторовной Вавиловой, и больше никогда глаза конта Алана Валлида не наполнятся горестными слезами.

Проснулся конт через несколько часов, от тихого шума, доносящегося с улицы. Небо было по-ночному темным и чистым. Слышались вскрики, топот ног, зычный голос Райки, раздающей указания. Алан выглянул за дверь.

– Что происходит?

– Смена патруля и рабыня рождает, – отпартовал воин, несший вахту в коридоре.

Спать не хотелось, в голове роились непрошенные воспоминания. Теперь ей была понятна сдержанность и отстраненность Иверта, его безликость и молчаливость. Игуш знал, знал и давал Алану шанс перебороть свою пагубную страсть. Находиться наедине со своей памятью было невыносимо, и она решила прогуляться. Тренироваться еще не пришло время, но просто пройти по улице, подышать воздухом, упорядочить мысли – показалось неплохой идеей.

Когда к ней присоединился Иверт, она даже не заметила. Горец, широко зевая, просто возник за спиной, и все.

– Ты что, собираешься постоянно таскаться за мной? – недовольно пробурчал Алан.

– Я твой телохранитель, – просто ответил Иверт и опять зевнул.

«Идиот», – беззлобно подумала Виктория, направляясь в сторону кухни. Райка громы хала ведрами, вокруг нее суетились несколько женщин. Они рвали на полосы ткань, наливали теплую воду в ведра, которую тут же уносили двое подростков в рабской одежде.

– Что у вас здесь за суматоха? – поинтересовался Алан у порога, вызвав своим появлением изрядный переполох.

Райка откинула со лба прядь волос.

– Рабыня никак разродиться не может. Ребенок боком идет, – вздохнула она. – Друида уже несколько рысок возится с нею. Видать, помрет девка.

– А где они?

Что-то в душе щелкнуло и заболело. Виктория живо представила боль, усталость и безнадежную обреченность молодой женщины. Слишком хорошо помнила ее женская суть эти ощущения.

Друиду они нашли в бараке, в закутке, отгороженном одеялами. Она склонилась над стонущей женщиной и не сразу увидела вошедшего конта.

– Что скажешь? – тихо спросил Алан, бросая быстрый взгляд на окровавленное полотенце, валяющееся в углу.

– На все воля Ирия, – устало произнесла ворожея. – Я пробовала развернуть ребенка, но ничего не вышло. Беда.

– А если подрезать?

– Не пройдет. Плохо лежит.

Рабыня застонала, по ее щекам текли слезы. Совсем молоденькая. Измученная, с прокушенными до крови, покрытыми коркой губами, горящими щеками и безнадежным взглядом. Виктория представила на ее месте Зиру и поняла, что если ничего сейчас не предпримет, то никогда себе этого не простит.

– Больше света. Много воды. Чистые тряпки. Одежда, – холодная решимость заполнила разум. Как же это страшно, бояться за того, кто тебе дорог. – Иверт, мне нужен острый нож. Очень острый нож. Прокали его на огне. Ворожея, приготовь иглы, чтобы накладывать швы, но вместо нитей вставь жилы. Я видел, у тебя есть такие. Только вымочи их в кипящей воде или в крепком вине. И дай девчонке что-нибудь дурманящее.

– Я помогу, – раздался спокойный голос Иверта за спиной.

Друида внимательно посмотрела на конта, но ничего не сказала, и через минуту уверенным голосом раздавала указания. Алан присел возле несчастной роженицы.

– Я не уверен, что вы с ребенком останетесь живы, но мы попробуем спасти тебя, – глядя в заплаканные глаза, твердо и честно произнес он. – Я разрежу живот и достану младенца. Потом мы зашьем разрез, и через десятницу ты сможешь ходить. Но рожать больше не сможешь.

Ты меня понимаешь? – Женщина кивнула. – Так у тебя есть шанс выжить, если мы этого не сделаем, шанса не будет.

– Не бойся, красавица. В наших селениях так часто делают, и почти всегда получается, – весело произнес Иверт, и в глазах рабыни мелькнула надежда.

Они вышли на улицу, чтобы вымыть руки и повязать на головы косынки. Не хватало еще того, чтобы в животе у женщины остались волосы. Их встретил хмурый Саника с полотенцем в руках.

– Хозяин, если что-то понадобится, крикните. Мы все здесь.

Конт кивнул и повернулся к горцу.

– У вас делают такие операции женщинам? – поинтересовался он.

– Лошадям, – улынулся игуш. – Но какая разница?

Действительно, какая разница. Честно говоря, Виктория не верила в успешный исход этой авантюры. Все ее знания о кесаревом сечении были почерпнуты из статей в толстом медицинском справочнике, который она изучила, когда ее средний сын вдруг решил обмотать вокруг ножки пуповину, и ей предложили операцию. Но не попробовать она не могла. Если есть хоть один шанс, его нужно использовать.

Друида напоила женщину какой-то настойкой, и та находилась в полубытьи, но все равно ее крепко привязали к скамье, и Алан взял в руки нож. Ворожея быстро помыла живот роженицы мыльным раствором, затем протерла тряпкой, смоченной в медовой воде. Самое страшное – поранить ребенка. «Господи, помоги!» – Конт размашисто перекрестился, провел ножом по натянутому животу и едва не отскочил испуганно, когда кожа разошлась, словно лопнула шкурка у перезревшего плода, открывая брюшные мышцы.

– Сейчас, – пробормотал Иверт и полез руками в живот. – Сейчас раздвину.

Он с трудом развел в стороны мышцы, и друида тут же указала пальцем в то место, где, по ее мнению, нужно было сделать разрез. Алан осторожно проткнул матку, хлынула мутная жидкость с очень неприятным запахом. Друида чуть отодвинула конту в сторону и, крикнув что-то Иверту на языке горцев, расширила пальцами разрез, Алан помог, а ворожея уже доставала ребенка.

– Место достань! – гаркнула она конту, переворачивая младенца вниз головой и оглушительно шлепая его по спине. – Эй, кто-нибудь, перевяжите пуповину!

– Райка! – заорал в ответ конт, с ужасом представляя, что придется засунуть руки внутрь этого. – Забери ребенка! Ворожея, сама доставай! И готовь нити! Иверт, мать твою, что дальше делать надо?

Травница, избавившись от ребенка, споро вытащила из женщины что-то окровавленное и несимпатичное, и Виктория вдруг ощутила тошноту. Блин! Со стороны все это выглядело жутко. Нет, когда станет рожать Зира, все произойдет не так! Все произойдет, как в индийском кино. Красиво, быстро, нежно и чисто! Главное, чтобы у матери не было никаких осложнений.

– Теперь надо убрать кровь и зашить, – Иверт побледнел, по скулам тек пот, и он постоянно вытирал его плечом. – Сначала зашить дырку, потом живот. Что-то мне нехорошо.

– Не вздумай упасть! – крикнул Алан, понимающий, что и сам с удовольствием рухнул бы в обморок. – Друида, главное не занести инфекцию. Ну, грязь чтобы в рану не попала.

– Без тебя знаю, – пробурчала женщина, промокнула рану чистыми тряпками и тут же отбросила их на пол. – У меня есть, чем обработать. Держи края. Ураган, убери кровь!

Ох, резать было не так страшно, как придерживать края разреза. Пока ворожея быстро и аккуратно зашивала матку, Виктория прислушивалась, но детского плача слышно не было. Они даже не посмотрели, кто это – мальчик или девочка. Роженица вскрикнула и дернулась. Иверт тут же навалился окровавленными руками ей на плечи, не давая пошевелиться.

– Терпи, красавица, терпи. Немного осталось, – шептал он, старательно отворачиваясь от живота женщины. – Слушай, отчего так, столько раз видел выпущенные кишки во время боя, и меня ни разу не мутило, а тут едва сдерживаюсь, чтобы не стошнило? – жалким голосом спросил он конта. – У лошадей все не так страшно.

Виктория только хмыкнула. Что бы ты запел, если бы тебе самому пришлось рожать? Мужик! И тут раздался плач ребенка. Словно тяжелую плиту сняли с плеч. По крайней мере одного они спасли.

– Мальчик! – закричала с улицы Райка, и ей ответили дружными возгласами. – Бельный и синеглазый!

Фу! Хорошо, что не черненький и темноглазый!

– Слышишь, женщина, ты сына родила, – повернулся к роженице Иверт. – Воина.

Через полрыски они сидели в холодной моченой и тупо пили кислое вино, по очереди передавая друг другу кувшин. У Виктории начался отходняк, руки тряслись так, что трудно было донести кувшин до рта. Она скосилась на Иверта и заметила, что игуша тоже бьет озноб.

– Знаешь, Бешеный Алан, я рад, что родился мужчиной.

Виктория внимательно посмотрела на горца, а затем перевела взгляд на небо, едва виднеющееся в маленьком окошке. Где-то там, среди миллиардов звезд, светило Солнце и летела сквозь космос небольшая голубая планета. На той планете жили ее сыновья. А где-то рядом, за перевалом, сейчас спала женщина, которая, быть может, спасет Алана от одиночества. Сегодня ночью Виктория поняла, о чем говорил Ирий. Об окончательном выборе. И это был не выбор пола, она никогда не забудет, что была женщиной, никогда не забудет своих сыновей, мужа, прошлую жизнь. Но она выбрала жизнь здесь, в этом мире. Она выбрала своего еще не родившегося ребенка, который положит начало ее роду, она выбрала ответственность за него и его мать. За своих людей, за свою страну, за свой мир. И если ради этого ей придется стать мужчиной, она им станет!

– Дяденьки-и-и, – раздался тихий голосок Светики.

Иверт с контом переглянулись и заржали в два голоса. Они смеялись и не могли остановиться. Банальная истерика, но кто же в этом признается?

– Дяденька-а-а, – хохотал Иверт, хлопая конта по колену. – Бешеный Алан, когда тебя перестали называть мальчиком и начали называть дяденькой?

– Ой! – в дверях возникла пунцовая Светика. – Я думала, здесь воины, что с караула сменились. Тетка Райка сказала позвать их снедать. – Она еще больше смутилась, увидев, что мужчины сидят в предбаннике в чем мать родила.

– Красавица, принеси нам одежду, а то мы немного запачкались, – похрюкивая от смеха, попросил Иверт. – Я есть не хочу. Я бы поспал. А ты как? – Он обратился к конту.

Только сейчас Виктория поняла, что жутко устала, ныла рана на плече, а в глаза словно песка насыпали. До рассвета еще оставалось несколько рысок, можно было подремать.

– Мне принеси пирожков в комнату. А одежду не нужно.

Она накрутила на бедра полотенце, сунула ноги в сапоги и побрела к себе. Иверт, глядя на это, тоже плюнул на условности. Кто их посреди ночи увидит? Воины? Так они для себя ничего нового не найдут.

– Ой, матулечка, – Светика прижала к губам ладошки, с состраданием и болью глядя на свежие шрамы на теле конта. – Я сейчас все принесу.

Девушка побежала на кухню, а мужчины направились к лестнице.

– Иверт, хочу, чтобы ты набрал десяток шустрых парней и начал обучать их воевать в горах. Посмотри егерей. Среди них есть толковые мужики. Только старых не бери.

– Зачем?

– Мне нужна разведка и диверсанты, – видя непонимание на лице игуша, Алан пояснил: – диверсанты – это те, кто может незаметно прийти, нагадить и так же незаметно уйти.

– Мне нравится. Мы так воюем, – растянул губы в улыбке игуш. – Скоро начнется сезон дождей, и Ястреб попробует тебе отомстить. Ты отобрал у него добычу и сделал посмешищем среди наших вождей.

– Именно. Утром обсудим с Рэем. Спокойной ночи.

Иверт только хмыкнул на это пожелание. Ну да, какая ночь, когда небо уже начало сереть.

Виктория стянула с бедер мокрое полотенце, откинула одеяло и рухнула в постель, совершенно забыв, что приказала Светике принести пирожки.

А вот Светика этого не забыла. Девушка, стараясь не шуметь, поставила поднос на стол и на цыпочках приблизилась к кровати, на которой, разметав по подушке отросшие волосы, безмятежно спал конт Валлид. Она нерешительно прикусила губу и тихонько потянула вниз одеяло, раскрывая мужскую грудь с розовыми пятнами от ожогов, мускулистый живот... Посто-яла, облизывая губы и борясь с искушением, а затем быстро задула свечу, стянула через голову платье и юркнула под одеяло.

Виктория проснулась от того, что кто-то целовал шею и ласкал грудь. Женщина в мужском теле отстраненно фиксировала ощущения, отмечая про себя, что ласковые движения очень приятны. Чужие пальцы осторожно погладили молодую кожицу на месте ожога, спустились на живот и двинулись ниже. Она почувствовала, как дрожат руки гостыи, когда они нерешительно замерли и вновь заскользили вверх. А еще она ощутила тепло внизу живота и с ужасом поняла, что тело готово к подвигам. Ну и кто у нас здесь такой шустрый? Виктория втянула запах. Не Зира. От нее всегда пахло корицей и лимоном. Может быть, это были другие растения, но для Алана она пахла именно так – корицей и лимоном. Ночная гостыя пахла едой. Не самый возбуждающий запах.

– Светика, что ты делаешь в моей кровати? – как можно холоднее поинтересовался конт.

Но девушка вместо ответа прижалась к его губам в чувственном поцелуе. Достаточно умелом, нужно сказать. Первым порывом было оттолкнуть Светику, но Виктория сдержалась. Хватит прятаться в раковину, раз она решила жить с этим телом, то нужно понять, как это делать. Она представила себе, как Виктория уходит в темноту, а вместо нее появляется мужчина. Это получилось легко. Алан обнял Светику за талию и резко опрокинул на себя, перехватывая инициативу, не отдаваясь при этом страсти, а прислушиваясь к своим эмоциям. Поцелуй не вызвал отторжения, как случалось раньше. Это было познавательно и необычно, но не возбуждающе, поэтому конт первым разорвал поцелуй.

– Ты еще девственница?

– Да, – прошептала Светика и вновь попыталась поцеловать мужчину, но он решительно отстранил ее и аккуратно спихнул с кровати.

– Марш к себе! Выходи замуж, раз под юбкой свербит!

Светика пискнула и, быстро натянув платье, выскочила из комнаты. Однако тотчас открыла дверь и просунула внутрь голову.

– Так я же тепереча управляющая, а бабы бают, что управляющая должна спать с хозяином.

– Брысь! – Конт швырнул в дверь сапог.

Черт бы вас побрал, дур озабоченных! Узнает, кто сказал этой святой простоте такую чушь, выдерет как сидорову козу! И что теперь делать? Виктория тихонько завывала, глядя на последствия девичьего присутствия. Выбор был невелик – мучиться болью весь день или заняться рукоблудием. У! И Интернета здесь нет, чтобы хоть как-то облегчить себе задачу! Ну почему, почему она не послушала Ирия и не выбрала жизнь в женском теле? Вспомнилось, как они с подругами хохотали, прочитав в одном из американских женских романов реплику главного героя, обращенную к собственному члену: «Мой гордый мустанг, сейчас мы поскачем

с тобой по глубоким тоннелям страсти». Виктория недовольно посмотрела на изображения богов.

– Вам смешно, а нам с мустангом мучиться! – Чтоб вас подняло и грохнуло!

Утром конт появился во дворе злой, как ведмедь в период гона. Увидев прячущуюся за спиной Рэя Светику, он решительно направился в их сторону, чтобы немедленно выдать эту сексуально озабоченную замуж! За кого? Да за кого угодно! Кроме Берта и Иверта. Этих жалко. Навстречу Алану стремительно шли два ксена. Вот еще одна головная боль. Новый шпион и соглядатай. Интересно, он женат?

– Всадники! Вижу всадников! Цвета маркиза Раман! С ними морской человек! – проорал дозорный на вышке.

Значит, вернулся корабль, захваченный у заговорщиков.

– Спокойная жизнь закончилась, – раздался сзади голос Рэя.

Конт согласно кивнул, направился к воротам и не забыл напоследок погрозить красной как рак Светике кулаком.

Сзади раздался грохот. Оглянувшись, Виктория увидела гордого Оську, восседающего в маленькой деревянной тележке, запряженной здоровым рыжим кобелем тау. Шут сидел по-турецки, одной рукой придерживал импровизированные вожжи, а второй помахивал тонким прутиком.

– Гей! Расступись, народ, королевский шут идет!

Алан нахмурился.

– И чего это шут стал вдруг королевским? – весело спросил кто-то из воинов.

Виктория заметила, как напряглись плечи у нового ксена. Он склонился к уху брата Турида и что-то зашипел. «Ох, будут проблемы!» – закричала женская интуиция, а мужская логика холодно ответила, что нет человека – нет проблем. Утопить в выгребной яме, и все дела. Виктория тихонько вздохнула. От того, что она твердо решила думать о себе как о мужчине, действовать и мыслить по-мужски не всегда получалось. Сквозь высоко поднятые щиты постоянно прорывалась женская сущность. А может, и не стоит ее изолировать? Может, нужно просто принять себя единым? Как это все сложно!

– Глупый воин! Сразу видно, что ты не держал в руках золота!

С этими словами шут бросил воину золотую монетку. Тот ее ловко поймал.

– И как эта монета делает тебя королевским шутом?

– А ты посмотри, чей портрет там выбит. – Оська самодовольно прищурился.

Воина обступили товарищи, начали заглядывать ему через плечо. Виктория услышала тихий шелест меча, покидающего ножны. Рэй. Рядом встал Иверт с кинжалом в руках. А он откуда знает? И что их так насторожило? Неужели думают, что кто-то кинется на бастарда короля? Но все равно было приятно.

– Точно, наш кир Алан!

– Только стриженный!

– Один в один господин!

– Только тут написано «Айро»!

Все во дворе повернулись к конту. Наступила тишина, Виктория слышала, как жужжат над цветником шмели. Рядом зло сопел Рэй, а Оська умиротворенно щурился на солнце и как никогда походил на довольного рыжего кота. Все чего-то ждали. Каких-то слов, опровержений или, наоборот, доказательств. А, один черт! Тайну все равно уже не скрыть, да она и не собиралась хранить ее вечно. Если придется воевать, люди должны знать, за кого и ради чего. Несколько наемников, которые участвовали в похищении конты, скрылись еще до освободительной операции, да и морякам, и рабам не было приказано молчать. А двойник, как выяснил Алвис, не отличался сдержанностью и не скрывал, кто именно сидит в подвале Линя.

Еще десятница, и об этой тайне будут знать все на фронтире. Так почему бы не выказать своим людям доверия? Они его заслужили. Шут прав.

– Я – сын короля Айро. Незаконнорожденный. Но я не король, так что ты, Оська, не королевский шут.

– Ерунда, – безмятежно махнул ручкой коротышка. – Главное, кем ты себя ощущаешь, а не как тебя называют! А я ощущаю себя королевским шутом! А ты можешь ощущать себя хоть трубой дымоходной. – И он показал конту кончик языка. – Эй, служаки, отдавайте монетку! Мне ее еще назад в секретный сундук нести!

Вот проныра! Хотелось бы знать, к какому замку Оська не смог подобрать ключа?

Открылись ворота, въехала десятка воинов. Пока они спешили, расседывали лошадей, пока их командир отчитывался перед Рэем, Иверт ухватил шута за ухо и, оттащив в сторону, зашипел, словно рассерженный тау:

– Эй, ты зачем это сделал?

Виктория стояла рядом и вопросительно смотрела на Оську. Ей тоже была интересна мотивация островитянина. Все же что-то подтолкнуло шута к таким несвоевременным действиям.

– Эй, ухо отпусти, злобный игуш! – заныл Оська, пытаясь лягнуть Иверта короткой ножкой. – Сам дурак! Не понимаешь, что те, кому надо, уже знают о нашем конте всю правду. А свои чем хуже? Теперь воины еще усерднее будут защищать Алана-балана в расчете на награду, когда он станет королем!

– А ты подумал, что многие захотят его предать? – продолжал гневно шипеть Иверт, не выпуская уха из цепких пальцев.

– Говорю же, дурак! Пусть лучше сейчас предадут, чем потом! И вообще, – Оська все же вывернулся и, отбежав в сторону, показал горцу средний палец. Вот гаденыш! Подсмотрел, когда конт рассказывал Рэю, что означает этот жест. – Ты нам здесь зачем? Зачем мы тебя кормим, поим, спать укладываем? Вот и защищай короля, если назвался хранителем его тела. – Шут захихикал. – У твоей сестры скоро принц родится! Ты лучше подумай, как его оберегать будешь!

– А ты откуда знаешь? – нахмурил брови Иверт.

– Подслушал! – даже не подумал соврать Оська. – Но я никому не сказал! А ты сразу драться! – обиженно закончил он и убежал смотреть, что за тюки сгружают рабы под присмотром капитана судна.

А ведь он прав, если кто-нибудь узнает, что Зира носит ребенка от потенциального короля, она окажется в большой опасности. Черт! Алан сжал кулаки и повернулся к Иверту.

– Не переживай, Бешеный Алан, никто не сможет достать Ласку дома. Да и... – Он замялся.

– Иверт, говори!

– Не стоит тебе вообще об этом переживать. Зира не станет претендовать на место твоей жены. Она останется в племени, выйдет замуж и будет счастлива.

Как это выйдет замуж и будет счастлива? И его ребенка будет растить какой-то там горец? Его зеленоглазого малыша отдадут какому-то чужому дядьке? Да никогда Виктория не отказывалась от своих детей! И Алан не откажется! Как такая мысль вообще могла прийти Иверту в голову? Конт с возмущением повернулся к горцу.

– Это она так сказала? – странно, но голос звучал совершенно спокойно, хотя внутри мужского тела бушевала и рвалась наружу мать.

– У нас так принято. Женщина сама решает, с кем ей остаться, если вождь не против, – пожал плечами Иверт и вдруг, присмотревшись к глазам конта, попятился. – Бешеный Алан! Успокойся! – Он выставил вперед руку. – Успокойся! Сюда идут ксены.

Алан несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь успокоить сердцебиение.

– Что тебя так задело?

– Это мой ребенок! – медленно, по слогам произнес конт. – Никто не смеет отнимать его у меня! Ребенка я не отдам! Так и передай своей сестре!

И точка! А если Зиру что-то не устраивает, то пусть катится ко всем чертям! Хоть замуж, хоть к демону в пасть!

– Тиши, тише. – Иверт медленно помахал ладонями напротив груди конт. – Затянется твоя рана, и мы навестим мой дом. Тогда вы и решите, как жить дальше. Гривастый Волк точно будет рад, а вот Ведмедь придет в ярость. Как бы до войны не дошло, – тихонько буркнул он себе под нос.

К ним подошли ксены. Виктория натянула на лицо маску невозмутимости и слегка кивнула прибывшему представителю ордена.

– Кир Алан, это брат Эдар из Ордена Искореняющих. Его прислали на мое место, – представил ксена Турид.

Какая прелесть! И какого ... в небольшой храм на фронтире прислали инквизицию?

– Я смотрю, ваш орден похож на армию. Куда приказали, туда ксен и отправляется служить, – задумчиво проговорил Алан, рассматривая сапоги Искореняющего. Хорошие сапоги. Новые. Блестящие.

– Сними капюшон, ксен. – Иверт вышел немного вперед, стал между контом и Эдаром.

Виктории это очень понравилось, а вот Алан недовольно нахмурился. Странное ощущение, словно душа начала чувствовать по-разному, но мыслить продолжала как единое целое. Или это Виктория нашла маленькую лазейку, чтобы позволять себе небольшой обман? Разделить Алана и Викторию? А что, это может сработать. «Не боишься раздвоения личности? – спросил внутренний голос и сам себе ответил: – Хотя, чего тебе бояться? Нельзя стать сумасшедшим, когда ты уже чокнутый!» Виктория про себя хмыкнула, прислушиваясь к мыслям и ощущениям. Они были какими-то новыми, но не вызвали ни малейшего отторжения.

Ксен резко отбросил капюшон. Худое продолговатое лицо, нос идеальной формы, высокий лоб, льняной ежик волос. Ярко-голубой глаз с длинными загнутыми вверх ресницами под красиво очерченной темной бровью смотрел с вызовом. Один глаз. Левый. Вся правая сторона ото лба до подбородка представляла собой сплошной бугристый шрам от ожога. Он задевал ухо и голову, делая ксена похожим на Фредди Крюгера. Жаль.

– За что тебя к нам сослали?

– А вы считаете, что с таким лицом можно рассчитывать на что-то лучшее? – тихим хриплым голосом произнес ксен, и Виктория поняла, что горло тоже пострадало от огня.

– Где получил ожог?

– Полез в костер вытаскивать девчонку, которая бросилась следом за матерью, – просто ответил ксен и достал из-под сутаны руки. На правой не хватало двух пальцев, она тоже была покрыта шрамами.

Ясно. Ну что же, все они в Крови немного ущербные. Впрочем, чего еще ожидать от судьбы, когда даже владетель представляет непонятно что и никак не может выбрать, на какой он стороне, философски решила про себя Виктория и улыбнулась, протягивая ксену руку.

– Добро пожаловать в команду, брат Эдар. У меня не будет костров, поэтому, надеюсь, ты сможешь жить дальше без изменений. Брат Турид ввел тебя в курс дел?

– Мы проехали с инспекцией по вескам, и я познакомился с братьями Слушающими. Они все очень молоды, но рьяно изучают Житие и несут свет в души весчан. Я ознакомился с работой школы и с исследованиями, которые проводили брат Турид и мастер Семон. Признаюсь, я поражен их открытиями. И если вы не станете возражать, с удовольствием продолжу работы, начатые братом. Школа тоже удивила. Знаете, кир Алан, когда меня направили в ваши земли, я ожидал увидеть здесь запустение, забитых рабов, нищету. У вас весьма... нехорошая

репутация, – он криво улыбнулся, но лучше бы он этого не делал. Изуродованная половина лица осталась неподвижной, и улыбка получилась жуткой. – Я приятно удивлен.

– Брат Эдар, мне бы хотелось, чтобы моя репутация в столице оставалась прежней, – с нажимом произнес конт. – Поэтому постарайтесь в своих донесениях не очень меня хвалить.

Ксен не стал отнекиваться и спорить, а лишь согласно склонил голову. А может быть он и ничего? Может быть они сработаются? А вот в том, что от девушек у ксена отбоя не будет, Виктория не сомневалась. Уж женскую психологию она знала отлично. Еще помнила. Светика вон уже три раза мимо пробежала, глядя на ксена испуганно и жалостливо. Женщины – они такие, сначала будут побаиваться и жалеть изуродованного парня издали, затем начнут проявлять свою жалость более активно, а там и замечать перестанут его безобразные шрамы. Тем более что не тронутая огнем часть лица была очень симпатичной.

К ним подошла заметно округлившаяся Кусь и потерлась о ноги любимого хозяина.

– Теперь, когда в замке есть еще один ксен, не могли бы мы провести свадебный обряд? – каким-то напряженным голосом произнес Турид, глядя на суку.

– А что за спешка? – удивился конт. – И где Литина? Почему я ее не вижу? С ней все в порядке?

– Она не очень хорошо себя чувствует. – Взывающий вдруг покраснел, но затем решительно поднял голову и с вызовом посмотрел на Алана. – Поэтому я прошу провести обряд незамедлительно!

Оба-на! Слишком много беременных на одного несчастного конт. Нет, это рок какой-то! Или знак свыше? Виктория с усмешкой глянула на Кусь.

– И ты тоже! – Алан повернулся к ксенам. – Тогда давайте проведем обряд завтра.

– Почему не сейчас? – встрепнулся Турид.

– Потому что я хочу, чтобы у Литины был праздник! – отрезал конт и решительно зашагал в покои баронессы, махнув рукой Иверту, чтобы не шел за ним.

Ага, вот прям срочно и сейчас проведите ему обряд! Впопыхах, без торжества, без музыки, без свадебного торта! Можно подумать, ксен каждый год женится, и это для него рядовое событие. Для него оно может быть каким угодно, а для Литины должно стать самым лучшим. Виктория прекрасно помнила свои ощущения в свадебный день. Волнение, предвкушение, надежда, ожидание сказки. И этот сухарь хочет лишить бывшую жену реципиента всего этого? Не так много у них последнее время было поводов для радости, чтобы не воспользоваться этим событием и не повеселиться.

– Доброе утро, Литина! – Виктория стремительно прошла через комнату и распахнула окно, впуская в помещение теплый воздух, пахнувший выпечкой и травами. – Я пришел тебя поздравить!

Она села на кровать и улыбнулась. Литина выглядела замученной, похудевшей и очень несчастной. Рядом с кроватью стояло ведро, прикрытое крышкой.

– Доброе утро, кир Алан. Простите, что не встретила вас. Я очень переживала, но меня так тошнит, – несчастным голосом произнесла женщина.

– Это утренний токсикоз, – с умным видом заявил конт. – Он пройдет. Пей натошак кислую воду. А теперь быстро поднимайся и одевайся. Нас ждет масса дел. Завтра твоя свадьба, и я хочу, чтобы это была самая лучшая свадьба на фронтире!

Литина растерянно смотрела на конт. с неуверенной легкой улыбкой.

– А мне можно вставать?

– Литина! Ты здоровая крепкая женщина, и если хочешь родить такого же крепкого и здорового малыша, тебе нужно двигаться! Не менее двух часов в день ты должна ходить по улице. Забудь о булочках, пирожках и сладостях. Ежедневно съедай по чашке творога, пей

молоко, ешь нежирное мясо и много овощей и фруктов. И ходи, ходи, ходи! Ты ведь не хочешь, чтобы случилось несчастье?

– Откуда вы все это знаете? – воскликнула женщина. – А еще говорят, что вы вчера с игушем разрезали рабыне живот и достали живого ребенка! Алан, откуда у вас эти знания?

– О! – прищурился конт, вспоминая все три беременности Виктории. – Просто поверь мне, я очень много знаю о беременных женщинах. Но живот резал Иверт! Я просто рядом стоял! – на всякий случай тут же уточнил он.

С этими словами мужчина чмокнул баронессу в макушку и вышел из комнаты. Литина услышала в коридоре его привычный голос, раздающий приказы, и в очередной раз пожалела, что слишком поздно кир Алан стал таким... таким... привлекательным.

Виктория, раздавая на ходу указания, быстро шла через двор. Во-первых, сказать Райке, чтобы готовила праздничный обед. Во-вторых, оправить детей за цветами, в-третьих...

– Светика, немедленно пошли к кирене Литине горничную, пусть поможет ей одеться и уберет в комнате. И отправь к ней модистку! Скажи, я хочу, чтобы завтра она была в цветах Валидов. Берт!

– Я здесь, кир Алан. – Слуга бежал от кухни, дожевывая на ходу пирожок.

– Я буду в кабинете. Пригласи ко мне морского капитана и скажи Райке, чтобы подала перекусить. – Дождавшись кивка Берта, конт продолжил. – А затем я хочу переговорить с Рэем, Ивертом и десятником маркиза. И еще, Берт... – Алан на мгновение запнулся. – Надо как-то сообщить твоей сестре, что Нанни больше нет. Напиши письмо, я передам его морем с храмовой почтой. Только лишнего не пиши.

– Чупачурик расстроится, – тихо произнес Берт.

– Кто? – Конт резко повернулся к Берту и ухватил его за рубашку на груди, словно боялся, что парень сбежит. – Как ты сказал?

– Чупачурик, – испуганно повторил слуга. – Я так называл сестру, когда был маленьким.

– Кто еще об этом знает? – Конт отпустил Берта.

– Никто больше, кир Алан, – затряс головой Берт. – Ирием клянусь, – он осенил себя кругом. – Ваш отец знал, я, Нанни и Чупка. Мне тогда всего три года было!

– Никто этого не должен знать. Никто! Из-за этого Нанни умерла! Ты меня понял, Берт? – в голосе конта зазвучала сталь. Слуга серьезно кивнул.

– Я никому не скажу, господин.

– Завтра после свадьбы возьмешь людей и поедешь откапывать пещеру, которую показал Иверт. Спроси Семона, может быть он захочет поехать с тобой. И возьми охрану! – последние указания конт давал уже на ходу, стремительно шагая в сторону пристройки.

Так вот что ты хотела сказать, Нанни, на кого намекнуть. Теперь Виктория знала, где нужно искать корону. Осталось лишь решить, а нужна ли она ей? Женщине из другого времени, опальному незаконнорожденному сыну последнего короля.

– Бешеный Алан, я никогда не видел ваших городов. Поэтому в столицу я еду с тобой! – раздался сзади голос Иверта.

– Все знаешь? – не оборачиваясь, спросил конт. – Откуда?

– Подслушал твой разговор с женщиной Нанни, когда возвращались от моего отца, – белозубо улыбнулся Иверт. – А потом услышал твой рассказ лесной женщине.

Это друиде? Как умудрился? И стоит ли ему доверять?

– Я не выдам, верь мне, – серьезно сказал Иверт.

– Думаешь, стоит попытаться?

– Не знаю. Это твой путь. Но мне кажется, ты достоин, Бешеный Алан.

– Спасибо.

Еще бы знать, как этот путь пройти.

– Умеешь ты, конт, всех озадачить, – послышался издали голос ворожеи. Женщина шла к ним, прижимая к груди кувшин, над которым вился парок. – Еще рыску назад Кровь была похожа на сонное царство, а теперь словно растревоженный улей.

– Как наша роженица? – улыбнулся Алан.

– Спит. Я ее травами пою от воспаления кишок. Жар у нее. Если в ближайшие пять дней не померет, то жить будет. А младенчик здоров. Имя ему дать надо, а то не за кого свечи в храме поставить.

– Пусть Иверт дает, это его идея была «про лошадей», – передразнил конт игуша и передрнул плечами, вспомнив их ночное «приключение».

– А я согласен, – не стал кочевряжиться горец. – Веди меня, женщина.

Глядя в спину гордо удаляющегося под ручку с друидой Иверта, Виктория прислушалась к своим эмоциям. Теплое чувство, которое вызывал у нее игуш, никуда не исчезло, просто оно трансформировалось в немного грустное, нежное воспоминание. Как несбывшаяся мечта, которую ты перерос. Где-то в глубине души тихонько, с сожалением вздохнула женщина. Хватит сожалеть о невозможном! Нужно работать! В кабинете ждет капитан судна, который представлялся просто – Кэп, и еще в первую их встречу заявил, что он человек простой, этикету не обучен, и если конту это не нравится, то пусть другого капитана себе ищет. Конту такая прямота понравилась, и Кэп принял командование над «Шустриком».

– Кир Алан, я тут вам подарок от брата Искореняющего привез. Он сказал, что вы очень любите такие подарки. Что вы их коллек... колицио... калицуни! Пробка в пробой тому, кто придумал это слово! Что вы их собираете, короче!

Кэп протянул конту скрученный в трубочку пергамент и, выглянув в дверь, махнул воинам, стоящим в отдалении. Один из них подхватил на руки закутанный в тряпку небольшой тюк, а конт развернул свиток. Интересно, что брат Алвис придумал на этот раз?

«Сир, я знаю, что вы найдете достойное применение моему подарку».

И этот туда же. Сир! Ладно, если бы это сказал кто-то другой, но такое обращение Длани вызвало разные мысли. На что он намекает? Он что, хочет видеть конту на троне? Или таким образом подталкивает Валлида на опрометчивые поступки и действия? Чтобы потом захлопнуть мышеловку? Все, что касалось Алвиса, вызывало у Виктории настороженность. Так что он там передал?

Воин осторожно положил на топчан сверток и аккуратно снял с него ткань.

Черт! Он что, с ума сошел?!

Короткая стрижка, впалые щеки, заострившийся носик и большие синие глаза в обрамлении густых ресниц.

– Вот, – Смушенно ткнул пальцем в... мальчика?... капитан. – Брат Искореняющий сказал, что у вас уже есть раб-баронет и раб-герцог, а это вам для комплекта. Он... э-э-э... может, выйдем?

Они вышли на улицу.

– Купцы в гарем, значит, везли, – глядя куда-то в сторону, начал рассказ Кэп. – Ну и в порту сняли номера, через стенку с нами. Решили развлечься с рабами, значит, а чтобы товар не портить, – он зло сплюнул, – противоестественным способом, как звери... Да только брат Искореняющий услышал, как кричит кто-то. Ну и... вот. Никогда такого не видел, – понизил голос мужчина. – Глаза у брата стали словно серебряные, он смотрит, а купец берет нож, да сам себе рубит! По самые яйца! Шоб его пробкой в пробой! Которую ночь снится, бурю им в глотку! А рабов велел забрать. Трое их было. Двоих он себе оставил. А эту, значит, вам велел передать. Сказал, что вы придумаете, что с нею делать. Благородная вроде она.

Твою мать! Так это девушка!

– И что мне с нею делать?

– Да что хотите, – пожал плечами капитан. – Мы ее напоили настойкой, которую дал ксен. Так она теперь сонная. А то слишком буйная девица. Никакого сладу с нею. Брат Искореняющий сказал, вы знаете, что сделать с его подарком. От принцесс не отказываются, буря им по шапкам, – хмыкнул Кэп.

«Ешкин кот! Она еще и принцесса? Да ну! Какая такая принцесса среди рабов? Вот еще, не было печали! Алвис, паразит! Надеюсь, ты сейчас икаешь! – И тотчас перед внутренним взором Алана появились смеющиеся глаза Длани. – Нет, надо с этой девчонкой немедленно разобраться, пока ее статус не стал известен всем в Крови».

– Слишком много на сегодня новостей. Конт оказался бастардом короля, да еще получил в подарок принцессу, – раздался ехидный голос Взывающего. – Кир Алан, хотелось бы услышать исповедь вашего «подарка» до моего отъезда.

– Брат Турид, тебе надо к свадьбе готовиться, а не шпионить за мной. – Алан нахмурил брови, но, увидев смех в глазах Взывающего, успокоился.

– Не волнуйтесь, кир Алан, я подошел уточнить, в котором часу вы планируете провести обряд?

Он планирует? Нет, это же смешно! Даже в такой мелочи как время проведения свадьбы мужчине нужен конкретный ответ. Виктория всмотрелась в лицо ксена и поняла, что он просто растерян и немного испуган.

– Давай после второго взывания. Это будет как раз перед обедом.

Виктория оглянулась и совершенно не удивилась, заметив крутящегося рядом мальчишку-раба.

– Скажи друиде, что к ней сейчас принесут девушку. Пусть ее осмотрит. И пока запрет во флигеле, и пускай Рэй к новой рабыне охрану приставит.

Мальчишка кивнул и стремглав умчался, а на прощание сделал кистью знак, словно круг очертил. Моментально из-за угла конюшни вышла девочка с веником и начала неспешно мести дорожку возле храма. Виктория усмехнулась – Туровская армия работала все более слаженно и незаметно. Вон, даже знаки для себя придумали. Растут.

Кэп ждал в кабинете, к нему присоединились Рэй в компании молчаливого десятника маркиза Генри, задумчивый Искореняющий Эдар и гневно сопящий Иверт.

– Ты чего такой недовольный? – поинтересовался конт у горца.

– Ваши женщины невыносимы! – темпераментно воскликнул игуш. – Я придумал мальчику десяток имен, но ни одно их не устроило!

– Так ты же предлагал, наверное, «Кроут Огненный Вепрь» или «Хазар Золотой Бык», – вступил в беседу Рэй, хрустя здоровенной морковкой.

– Конечно, – рассерженным котом фыркнул Иверт. – Имена, достойные настоящего воина.

Рэй и моряк переглянулись и совершенно неприлично заржали, глядя на недовольную физиономию горца. Алан, стараясь сдержать смех, выглянул за дверь и, поманив к себе стражника, приказал:

– Скажи друиде, что я велел назвать младенца Адамом. Все.

– Что за имя «Адам»? – спросил с интересом Рэй, и стражник задержался, прислушиваясь к ответу конта, чтобы передать его женщинам, если будут возмущаться.

– Есть предание, что так звали самого первого мужчину в одном сказочном королевстве.

– Хорошее имя для рожденного при помощи разреза живота. И раньше были попытки, но матерей спасти не удавалось, – тихо произнес брат Эдар. – Кир Алан, как вы назовете эту операцию?

– «Ивертово сечение», – не задумываясь, сообщил окружающим конт и про себя подло захихикал, представив, как воин сейчас начнет возмущаться. – Горцы уже давно практикуют такие операции.

– На лошадях, – вставил честный Иверт, блеснув на конта зеленью глаз, но при людях возмущаться не стал или просто не придавал значения словам Алана. – Хотя, я слышал, что несколько раз делали и женщинам, когда смерть была неизбежна. Жеребят почти всегда удается спасти. Младенцев тоже. А вот их матерей... – Он вздохнул. – Но есть одна трава, которую мы даем кобылам, когда у них... О, предки! Надо сказать ворожее!

Он вскочил и выбежал из комнаты следом за воином.

– Я бы хотел записать и зарисовать все ваши действия, – так же тихо продолжил брат Эдар. – Мой Учитель интересуется медициной.

– Конечно. Только пригласим горца и друиду. Всю работу делали они, я только нож держал.

Рэй скептически выгнул бровь, Алан в ответ невинно на него посмотрел, заклиная про себя капитана молчать. В кабинет вошел Берт со стопкой бумаг, не глядя на Искореняющего, он положил бумаги перед контом, а сам встал за стулом хозяина.

– А где Тур? – нахмурился Алан. Он не видел сегодня юного раба.

– Ему нездоровится, – пояснил Берт. – Я его заменю.

– Утром он очень шустро махал мечом, – пробасил Рэй. – Друида его смотрела?

– Он просто объелся.

Что-то здесь было нечисто. Если бы Тур заболел, Виктория об этом сразу узнала бы. Уж Дар точно не промолчал бы, а она видела сына полрыски назад, и паренек был доволен и весел. Интересно, кто испугал Тура, если он решил не показываться своему страху на глаза? Кэп или новый ксен? Кэпа парень видел, и не похоже, чтобы он заинтересовал Тура, значит, ксен. Виктория решила довериться юному герцогу и расспросить его попозже, наедине. При-сутствие нового ксена напрягало, но повода выгнать его она не находила. Придумать ему работу и отправить восвояси?

– Ну что же, приступим. Брат Эдар заменит брата Турида. На нем остаются работа со Слушающими, школа и храм. И никакой самодеятельности! Я не позволяю вершить суд Вадия на моих землях без согласования со мной. Вопросы? – Виктория требовательно посмотрела на ксена, ожидая возмущения или несогласия.

– Меня предупредили в канцелярии Приближенного, что вы повесили одного из братьев и с тех пор весьма недоброжелательно относитесь к нашему ордену, – в голосе ксена Виктории послышался сарказм. – Думаю, это тоже способствовало моему назначению в Кровь. Мои недруги явно рассчитывают, что мы с вами не сработаемся.

– А есть повод? – Ксен, имеющий недругов среди верхушки инквизиции, вызывал недоверие.

– В нашем ордено существуют разногласия, но, если вы не будете жечь непокорных на кострах, мы сможем жить мирно, – уклончиво ответил Эдар.

– Кир Алан, можно я скажу? – Рэй вопросительно поднял брови, Алан кивнул. – Господин называет нас «командой», и если ты войдешь в нашу команду, то твоим недругам придется иметь дело не с одним ксеном, а с дружиной верных конту людей. Со всеми нами.

– Потому что хозяин своих не бросает, – серьезно кивнул Кэп. – Он спокойный, как сытая горная гадюка, но в случае опасности жалит без промедления. Клянусь парусами!

Как поэтично. Виктория поймала себя на том, что непроизвольно улыбнулась. Ну приятно же услышать такое о себе! Даже захотелось замурлыкать от удовольствия.

– А еще он прекрасно умеет находить неприятности на свой...

В кабинет зашел Иверт с двумя кувшинами вина, за ним следом пунцовая Светика несла поднос, уставленный тарелками с закусками, последним в комнату просочился мальчишка-раб с кружками. Дождавшись, пока они выйдут, Иверт повернулся к конту.

– Там прибыла толстая женщина и кричит, что ты обязан жениться на ее дочери, потому что так приказал Наместник.

Виктория непонимающе вылупилась на хмурого горца, но по мере того как до нее доходил смысл сказанного Ивертом, она начала закипать. Что? Нет, это уже не смешно! На приеме конт едва смог отбиться от наплыва жаждущих его тела девиц, Алвис подарил принцессу (правда, надо еще выяснить, что там за принцесса), теперь появляется еще одна невеста, а где-то в горном поселении Валлида ждет беременная женщина. Беременная, между прочим, его ребенком! И еще не факт, что эта женщина согласится переехать в Кровь... А что, собственно, она хочет от Зиры? Виктория задумалась. Жить с нею как с женой она не готова, а Зира, скорее всего, не захочет оставаться рядом с Контом в роли инкубатора. Как все запутано! Виктория потеряла виски и с тоской посмотрела на ксена.

– Эдар, ты не мог бы?..

Искореняющий все понял, кивнул и неслышно вышел.

– Ты заметил, как он двигается? – задумчиво произнес горец, глядя вслед ксену. – Сразу видно – воин. За ним следят?

Рэй кивнул.

– Так, пока ксена нет, давайте обсудим самые важные вопросы. – Алан пятерней отбросил упавшие на лоб волосы. – Кэп привез наш заказ. Рэй, половину оружия отправь Найку в Роган, остальное припрятать.

Алвис честно выполнил свою часть сделки. С его помощью удалось закупить очень неплохие мечи, арбалеты и болты к ним. Еще Кэп привез заготовки для кольчуг, и Виктория распорядилась отправить их в Роган, чтобы бронники Найка приступили к изготовлению тяжелых доспехов. Она приказала сделать защиту двух видов: легкую кожаную, предназначенную для разведчиков, диверсантов и конных, и среднюю – усиленную железными пластинами. Имелся еще третий вариант, по образцу армейских бронежилетов, но, пока он не прошел испытаний, запускать его в производство казалось преждевременным. Это был тяжелый доспех, усиленный не только железом, но и керамическими пластинами, вложенными в кармашки, нашитые на грубую бычью кожу в виде чешуи. Кольчуга получилась тяжелая, так что, если пройдет испытания, то ее планировалось использовать только для штурмовых отрядов. А вообще Виктория озадачила кузнеца заказом на рыцарский панцирь. Как жаль, что знания о сплавах и металлах никогда не хранились в ее голове. Сейчас она только и смогла нарисовать то, что ей хотелось бы видеть на своих воинах.

Еще Кэп привез заказ на поставку соли и древесины сребролиста. Нашлись и желающие покупать жемчуг, но продавать пока было нечего. В общем, Виктория осталась довольна первым рейсом «Шустрика».

– Благодарю вас за службу, – обратился Алан к десятнику маркиза – крепкому седовласому неулыбчивому мужчине. – Предайте киру Генри мою благодарность и приглашение в гости.

– У меня приказ генерала остаться в Крови и усилить гарнизон, а в случае путешествия сопровождать вас в поездке.

Ну что же, это неплохо. Десятка ветеранов в бою стоит отряда новобранцев. Но Виктория постаралась не выказывать свою радость.

– Как мне к тебе обращаться?

– Хват.

– Отлично. Теперь о главном. – Виктория бросила взгляд на Рэя, заранее готовясь выдержать бой. – Через десятницу я, переодевшись простым воином, покину Кровь и отправлюсь на корабле в герцогство Вас'Хантер, а оттуда в столицу Галендаса. Со мной пойдет десятка Хвата. Официально мы будем сопровождать кирену Литину. – Конт поднял руку, призывая Рэя к молчанию, капитан послушался, но сопеть начал очень выразительно. – Не стоит исключать того, что, кроме ксенов, в Крови есть еще соглядатаи, а мне нельзя покидать свои земли больше чем на три дня. Поэтому подумайте, кто станет изображать больного конта, пока меня не будет.

– Кир Алан! Я вас одного не отпущу!

– Рэй, я не могу оставить Кровь без присмотра. Кроме тебя мне не на кого положиться.

– Иверт присмотрит!

– Эй, я иду с Бешеным Аланом, – спокойно сообщил горец.

– Никто со мной не идет! – отрезал конт. – Развели здесь демократию! Если нужно будет, я вас всех запру по камерам! – хлопнул он по столу ладонью.

– Демо... что? – поинтересовался любопытный Кэп.

– Демократию... это когда решает большинство, а не один.

– Так это же хорошо. Много голов лучше, чем одна, попутным ветром клянусь!

– Вот! – Рэй вскочил на ноги и навис над контом горой мышц. – А ежели на вас нападут? Кто спину прикроет? Да ваши раны еще не зажили!

– Мы сможем защитить кира Алана, – холодно произнес Хват, вставая напротив Рэя. – Или капитан сомневается в выучке моих людей?

Еще немного, и эти двое начнут выяснять с мечами в руках, кто из них сильнее. Не хватало разборок между своими! Виктория про себя выматерилась.

– Рэй, сядь!

Голос прозвучал холодно и властно, и капитан не посмел ослушаться.

– Я уйду инкогнито...

– Это как? – опять перебил его Кэп.

– Притворившись другим человеком. Если со мной уйдете и вы, шпионы сразу заподозрят неладное, и за нами начнется охота.

Дверь тихонько скрипнула, и в щель протиснулся Оська. Не обращая внимания на злой взгляд Иверта, который так и не простил шуту разоблачения Алана, он прошмыгнул к сундуку, сел на него и сложил ручки на коленях. Виктория вопросительно подняла брови.

– Ничего у тебя без меня не выйдет, – заговорщицки округлив глаза, громко зашептал шут. – Для хитрости нужен хитрец!

– А давай я его удавлю! – Иверт, прищурившись, окинул маленькую фигурку Оськи оценивающим взглядом. – На одного дурака станет меньше.

– Алан, скажи ему, что без меня ты не справишься!

– Подслушивал?

– Ага. У окошка, там кустики растут, я в них и сидел, – искренне улыбнулся шут.

Ну вот что с ним делать? Виктория уже давно поняла, что Оська ничего не делает просто так, и за каждой его казалась бы дурацкой выходкой стоит хорошо продуманный хитроумный план, подталкивающий конта к определенным событиям и действиям.

– Говори.

– Тебе нельзя покидать свой замок больше чем на три дня, правильно? – дождавшись кивка, шут продолжил, – А у тебя три замка! И в любом из них ты дома. Скажи всем, что поехал провожать ксениху, а потом с этой, как его... – Оська постучал себя по лбу. – С ревизией! А в Осколке поменяешься местами с воином Хвата. Так десятницу выиграем. А потом ты упадешь в ледяную речку и заболеешь. Будешь кашлять, чихать, и друида запретит ходить к тебе всем, кроме Рэя. Он вон какой здоровый, к нему болячки не пристанут. Спрячем воина

в твоей спальне, пока ты не приедешь. Правда, замечательный план? Только надо будет башку подменному конту перекрасить, а тебя побрить, чтобы твои черные волосики не мелькали.

– Может, и получится, – задумчиво произнес Рэй, глядя на раздутого от гордости шута с уважением. – Только я с вами, потому что...

– Рэй!

Виктория стукнула кулаком по столу. Зазвенели кружки. От рыка конта Берт испуганно подпрыгнул, а Оська икнул. Виктория сама не ожидала, что получится так громко. Кэп резко отъехал на стуле от стола. Моряк смотрел на конта с восхищением.

– Такого голоса даже у моего боцмана нет, мертвый штиль мне в вечность! – прошептал он.

– Посажу под замок!

Виктория обвела взглядом свою команду. Рэй баюкал в руках кривую оранжевую морковку и молчал, поглядывая исподлюбья, но его взгляд красноречиво говорил, что он не оставит попыток переубедить воспитанника. Хват был серьезен, Оська радостно скалился, сияя голубыми глазищами, Берт смотрел настороженно, а Кэп открыто и с легким восторгом. Иверт спокойно цедил вино, и это показалось странным. Нужно за ним проследить, покорный Иверт был так необычен, что ей вдруг захотелось подойти и ткнуть его пальцем. Виктория захихикала про себя, представив, как это будет выглядеть со стороны.

– Значит, этот план и возьмем за основу, – спокойно произнес конт, кивком приказывая Берту налить всем вина. – За успех этого безнадёжного дела!

Глава 3

Что есть любовь горянки гордой?

Мечта, обман, разочарованье?

Иль, может быть, она услада для взора нежного?

Не верь красавице надменной, мой пылкий юноша!

Беги! Обман ее любовь и верность.

Лишь только пепел вместо сердца останется в твоей груди...

Написано на полях «Песни Жития», автор неизвестен

Дальше разговор пошел легко, и через рыску Виктория наконец-то отправилась знакомиться со своим «подарком». За ней молчаливой тенью следовал Иверт, и от этого становилось спокойнее. Она так привыкла к его присутствию за эти дни, что ощущала игуша кожей, чутко реагируя даже на малейшее изменение расстояния между ними. Слух и обоняние у нового тела были намного выше, чем когда-то у Виктории.

Встретил их Саника. Раб низко поклонился и взмахом руки показал на комнату, у двери которой застыл воин.

– Как она? – поинтересовался конт.

– Кто? – не понял вопроса раб.

– Девушка, которую охраняет воин.

– Девушка? – Саника явно не понимал, о ком речь. – Какая девушка? Воины принесли от вас парня.

– Ты уверен? – о каком парне может быть речь, когда Кэп ясно сказал, что принцесса, и что везли ее в гарем? Ничего не понимаю! – Ты точно знаешь, что это парень? Видел его без штанов?

– Без штанов не видел. Но уверен, что это парень. Такой, как наш Неженка, – скривился Саника. – Противный.

Виктория почувствовала обиду и разочарование. Алвис издевается? Намекает на что-то? Ну погоди... Дай только до тебя добраться, шутник... Сзади захрюкал Иверт, Виктория резко обернулась. Игуш стоял, зажав рот двумя руками и выпучив от смеха глаза. Наконец он не выдержал и захохотал в голос, привалившись к стене.

– Принцесса-а-а! Девственница-а-а! Ха-ха! Красавица-а-а! Что я с нею делать буду? – захлебывался он смехом.

Конт хмуро смотрел на веселящегося Иверта. Он насупился, прикусил губу, а потом заржал следом. Со стороны это действительно выглядело смешно. А еще, пока они заходились смехом, перебрасываясь похабными шуточками по поводу применения принцессы, Виктория вдруг очень четко осознала, что ей всего лишь двадцать четыре года! Всего двадцать четыре! И Иверт был не старше.

– Кстати, сколько тебе лет?

– Двадцать пять скоро будет, гы-ы-ы!

– Хочешь, подарю принцессу?

– Э, нет, спасибо! Оставь ее себе! Я не достоин такой чести. Это же принцесса! Как я могу претендовать на подарок брата Искореняющего?

Так, хохоча, они ввалились в комнату «принцессы» и рухнули – один на кровать, а второй на одинокий стул.

– Привет, «подарок»! – только спустя минуту смог произнести конт, с интересом рассматривая синеглазое чудо. – Что-то ты слишком худой.

– Я бы на тебя посмотрела, если бы тебя неделю кормили одной брюквой, – огрызнулась «принцесса».

– Ты вообще кто? Парень или девушка? – икая, поинтересовался Иверт, протянул руку и стащил с лежащего «подарка» одеяло.

«Подарок» оглушительно завизжал и вцепился в одеяло с другой стороны. Иверт, недолго думая, откинул одеяло с ног визжащего «оно» на голову, обнажив стройные длинные ноги и явные признаки принадлежности к женскому полу.

– Ух ты! А подарок-то – принцесса!

Парни вновь заржали. Девушка прекратила визжать и, закутавшись в одеяло, забилась в угол кровати, подальше от сумасшедшей парочки.

– Не бойся, – успокоившись, произнес конт, с интересом рассматривая свой «подарочек». – Нам сказали, что ты парень, вот мы и проверили.

– А то мало ли что подсунули нашему конту, – кивнул Иверт, хитро поглядывая на Алана и не спеша раскрывать их инкогнито.

Девушка скептически хмыкнула.

– Просто иногда папе нужно, чтобы с клиентами работал кто-то из своих. А к девушкам отношение сами знаете, какое. Вот и приходилось играть роль парня. Хорошо, что фигура позволяет.

– А кто у нас папа? – Иверт оседлал стул и с интересом рассматривал девушку.

– Король теней в герцогстве. Так что, можете рассчитывать на награду. Только бы с вашим хозяином договориться.

Виктория оглядела свой костюм. Приличные штаны, чистая черная рубаша, начищенные сапоги, пояс владетеля не виден за широким ремнем, на который крепятся ножны. Иверт одет почти так же. Да уж... Кто тут хозяин, понять сложно. Просто двое воинов-шалопаяв пришли поглазеть на нового раба. Рабыню...

– А король теней – это, как я понимаю, неофициальный титул главы воров и убийц?

– Почему сразу воров и убийц? – скривился «подарок», поправляя подушку и усаживаясь поудобнее. – Контрабандисты, наемники, нищие... Все те, кто не любит платить лишние налоги и нуждается в защите от стражи, – она хитро улыбнулась.

– И как ты оказалась на пути в гарем с таким папочкой? – нахмурилась Виктория и начала подозревать Алвиса в очередной интриге.

– Он меня замуж решил отдать, – девушка недовольно шмыгнула носом. – Я и сбежала. Ну и попалась страже, а купцы меня выкупили. Да все так быстро провернули, что я не успела отцу весточку отправить. В общем, дура я, – самокритично закончила пленница. – Ладно, а ваш старик тоже мальчиков любит? Меня же в гарем как парня везли, – она захихикала. – Даже не удосужились проверить, пока насиловать не собрались. Вы бы видели их рожи!

– Наш старик любит мальчиков? – обратился Иверт к конту, округлив глаза, в которых плясали зеленые чертики.

«Наш старик любил лишь одного мальчика, но тот не ответил ему взаимностью», – с легкой печалью подумала Виктория, любуясь резкими чертами горца.

– Наш старик никого не любит, – грустно произнес вслух Алан. – Но очень хочет полюбить.

Настроение упало.

– Ладно, ты пока лечись. Кстати, как тебя звать, «подарок»?

– «Подарок» мне тоже нравится, – улыбнулась девушка. – Но можешь звать меня Мая.

– Пчелка Майя, – произнес конт странную фразу и направился к двери. – Отдыхай. Старик потом решит, что с тобой делать. Но, скорее всего, вернет тебя отцу в целости и сохранности, принцесса, – все же не выдержал он и хохотнул.

Дверь распахнулась, и в комнату ворвалась полная женщина, волоча за руку девочку лет шестнадцати. Пока дверь не захлопнулась, Виктория успела увидеть, как незнакомые ей воины приставили меч к горлу стражника. Что происходит? Иверт тоже это заметил. Он моментально подобрался и вытащил из ножен яташ.

– Я так и знала! – Женщина выпустила девушку и затрясла перед носом отшатнувшейся Виктории листом бумаги. – Вот! Приказ регента! За его подписью! Вы обязаны жениться на моей дочери! Я, виконтесса Миринда, требую выполнения приказа!

Виктория отступила на шаг, чтобы не угодить под брызги, вылетающие у дамы изо рта. Судя по ее поведению, дама была чокнутой. А как все хорошо начиналось! Виктория Викторовна Вавилова впервые в этом теле почувствовала себя не пятидесятилетней женщиной, а веселым молодым мужчиной. И нате вам! Получите и распишитесь! Холодная злость поднялась откуда-то из желудка, Виктория сделала шаг вперед, медленно подняла стул и, прицелившись, с силой опустила его на голову визжащей тетке.

– Правильно! – воскликнула Мая. – И вторую прибей! Терпеть не могу дур!

Однако вторую прибивать не пришлось, она открыла рот, чтобы закричать, но вместо этого рухнула у стены.

– Обморок, – со знанием дела сообщила Мая.

Дверь открылась, и в комнату вошли незнакомые воины, вооруженные длинными парными ножами.

– Под кровать! – гаркнул Иверт.

Девушка моментально его послушалась, и Виктория едва не последовала ее примеру, настолько неожиданно властно прозвучал голос горца. Какая умница Мая, решила она, подхватила стул и швырнула его в окно, надеясь таким образом привлечь внимание к происходящему. К ней бросился крепыш, она едва успела отклониться от летящего в лицо ножа и сорвать со стола скатерть, чтобы быстрым движением обмотать левую руку. Парный кинжал отсутствовал, значит, придется воевать одним. Плечо пронзила острая боль. Черт! Только начало заживать! Чтoб вас всех разорвало на куски! Она выхватила кинжал, парируя удары длинного ножа. Куда ты лезешь, придурок! Да с твоим умением вести бой на ножах только в песочнице в перочинные ножики играть. Через несколько секунд в комнату ворвался Рэй, а из троих нападавших живым остался только один. Но и тот был смертельно ранен.

– Сын паршивой овцы, кто тебя послал? – Иверт, не церемонясь, наступил каблуком на пальцы раненого и с силой прокрутил ногу. Мужчина заорал. – Не скажешь, брошу труп свиньям, скажешь, положу на погребальный костер.

– Не надо свиньям. Пусть Вадий меня примет... Это герцог... Герцог заказал убить конта Валлида... Больше ничего не знаю... Виконтесса настоящая. Мы ей служим... из дружины... С ней и пришли... Бабе без воинов нельзя... Это герцог придумал план... У ее дочки распро...

– Сдох, – констатировал Иверт, плюя на труп. – Бросьте его свиньям, – приказал он рабам, выносящим тела.

– Ты же обещал на костер, – раздался голос из-под кровати.

– Когда это горцы говорили правду, а? – удивленно спросил игуш. – Эй, а куда женщин?

– Запри пока в камере, – Алан сидел на кровати, а друида, тихо шипя сквозь зубы ругательства, обрабатывала рану на плече настойкой трав. – Комната стала похожа на скотобойню, – печально пробормотал конт в воздух. – А так хорошо все начиналось. «Подарок», принц, который оказался принцессой... Эх, нет в жизни счастья! – под кроватью тихонько хихикнули. – Рэй, допроси идиоток без меня и отправь домой под охраной.

– А вы, господин?

– А старик устал и хочет спать.

Под кроватью заинтересованно притихли.

– Моя вина, – хмуро сообщил Рэй, когда они шли в донжон. – Я приказал их разоружить. А вот обыскать не приказал. А они ножи в сапогах пронесли.

– Впредь всех воинов оставлять за стенами. Всех без исключения.

Иверт и Рэй отправились в подвал допрашивать женщин, а Виктория поднялась к себе, но по пути заглянула в комнату Тура. Паренок лежал на кровати и смотрел в потолок. Увидев хозяина, он вскочил на ноги и поклонился.

– Турен, что случилось?

– Искогеняющий. Он меня знает. Я видел его у дяди.

– А дядя у нас...

– Нынешний гегцог Вас'Хантег, – тщательно выговаривая слова, с ненавистью закончил Тур.

– Что он там делал?

– Он являлся представителем от Искогеняющих в дядином замке. Только тогда у него еще лицо было цело. Я запомнил, потому что он учил меня взывать к Вадю.

– Хорошо, что ты мне рассказал, – задумчиво произнес Алан. – Что-то слишком много лиц, связанных с герцогом, появилось на горизонте. Ксен, «подарок», викотесса с невестой...

Раздался стук, и в комнату заглянул мальчишка-раб. Увидев конта, он смутился и, низко поклонившись, спросил:

– Хозяин, можно сказать Туру? – дождавшись кивка Алана, затараторил. – Тур, тама малая заметила на полосе следы! На этой следовой, что наши с утра грабляли. Утром ничего не было, а сейчас след идет в крепость! Точно не наши! Наши тама не ходють!

– Веди, – коротко приказал конт, криво усмехнувшись. Вот и польза от новшества, а то Рэй каждый день бубнит, что только зря людей гоняем.

Следы действительно вели в сторону двора. Но куда именно, проследить было невозможно. Лазутчик спустился со стены, используя дровяной сарай как прикрытие, и исчез между строениями. Пущенные по следу тау только повизгивали и терли носы о шерсть.

– Собери свою команду и прочешите всю Кровь, в каждую щель залезьте. Но ходить по двое! И пусть кто-нибудь следит за колодцем, – приказал конт мальчишке-рабу. – Тур, найди Рэя.

Теперь стали понятны нелепое нападение и прибытие сумасшедшей бабы. Простой, но действенный ход – отвлечь все внимание на шумное событие. А тем временем настоящий убийца тихо проникнет в замок. Вот только никто не удосужился сообщить герцогу, если это был его человек, что в Крови появились кое-какие новшества, пока еще неизвестные в этом мире.

Когда хмурый капитан присоединился к задумчивому конту, у нее уже созрела в голове идея.

– Рэй, всем, кто сегодня дежурит на стенах, розги и по трое суток ареста. За то, что не смотрят вниз. Девочке, которая заметила следы, выдать серебрушку. Мне нужно, чтобы ты нашел нашего шпиона.

– Кого?

– Шпион, лазутчик, разведчик.

– Шпиен... – Рэй поклат слово на губах. – Как вы такие слова выдумываете, кир Алан? Конт только усмехнулся.

– Сейчас его ищут дети, но и ты возьми воинов и незаметно прочеши Кровь. Найди, приставь к нему человека и наблюдай.

– Сделаем, – кивнул Рэй и бесшумно исчез. Викторию всегда восторгало это его умение. При всей своей массивности капитан двигался с грацией тигра.

Она направилась к кухне, предупредить Райку, чтобы смотрели в оба, но остановилась возле конюшни, довольно наблюдая за суетой вокруг. По двору носилась босоногая толпа ребятни, со свистом и гиканьем ловя пятерку визжащих поросят, разбегающихся во все стороны.

– Гони их к сараю! Заходи, заходи вбок! Куда?!

Виктория улыбнулась, дети не столько ловили «бекон», сколько разгоняли его в разные стороны, а затем парами кидались каждый за своей жертвой.

– Тетка Райка сказала двоих поймать хозяину на обед! А вы пошто их всех выпустили? – кричал командир босоногого отряда. – Вот уж конт ввалит! Лови их, лови!

Выдумщики. Правильно, так они не вызовут подозрения и смогут заглянуть во все дыры в поисках разбежавшегося «обеда».

– Развлекаешься? – раздался сзади голос Иверта. – Пойдем, перекусим, и я тебе расскажу, что узнал.

После того памятного разговора на стене Иверт словно ожил. Он стал многословен, шутил, улыбался, и Виктория со стыдом поняла, что горец догадывался о ее чувствах, точнее, о чувствах Алана, и это делало его более замкнутым и отстраненным. Теперь же он словно вздохнул с облегчением, и каждый день она замечала в нем что-то новое. Небрежность в одежде, привычку сдвигать брови, веселое «эй» при обращении и открытый взгляд. Иверт больше не прятался за сдержанностью и молчаливостью.

Узнали они с Рэем не так чтобы и много. Когда муж виконтессы укатил на охоту, в их замке появился брат Искореняющий, который торжественно вручил хозяйке указ Наместника, предписывающий ей немедленно отправляться в замок Кровь и выдать дочь замуж за конта Алана Валлида. С собой виконтессе было велено взять четырех воинов, которых отобрал лично ксен. Больше перепуганная девочка ничего не знала. А ее мать только кричала, что будет жаловаться лично регенту и Наместнику. Она так надоела Рэю, что тот попросил у друиды снотворное и силой напоил сумасшедшую. В беспомощности ее погрузили в карету и отправили восвояси в сопровождении пятерки воинов. Они должны были доставить виконтессу домой и рассказать ее мужу свою версию произошедшего. Мол, один из ее воинов обманул бедную женщину и втянул в заговор против конта Валлида. А самое смешное, что на грамоте с указом вдруг пропали слова.

– Рэй сказал, что это специальные чернила, – усмехнулся Иверт, заканчивая рассказ. – Они нас хотели отвлечь.

Это было ясно с самого начала.

Остаток дня прошел немного нервно. Все, искавшие «шпиена», были напряжены. Алана старались не оставлять без присмотра ни на секунду. Иверт вооружился, словно собирался воевать со всем миром. Рэй прибегал каждые пять минут, чтобы выяснить, а не хочет ли конт поспать? Поест? Пообщаться с девушками? Подняться на башню и там остаться, пока все не закончится? Виктория скрипела зубами, психовала, но молчала, понимая, что капитан заботится в первую очередь о ее безопасности. Когда они сели обедать, наконец-то появился брат Искореняющий. Странно, что только сейчас. Виктория пригласила его за стол и молча продолжила уничтожать суп, давая возможность ксену первым начать разговор.

– Кир Алан, виконтесса привезла мне письмо. Его отправитель явно не рассчитывал, что я о нем вам расскажу, но, мне кажется, вам следует об этом знать, – начал брат Эдар без всякого предисловия.

– Продолжай, – заинтересованно поднял голову от тарелки конт. Послушаем, что ты нам расскажешь, мистер Таинственность.

– Вам говорили, что вы очень привлекательный мужчина?

Что? Этих слов Виктория точно не ожидала. Она откинулась на спинку стула и вылупилась на ксена с нескрываемым удивлением. Алан мужик симпатичный, бесспорно, но, скорее, brutальный, чем красивый. Рядом хрюкнул Рэй и тихонько захихикал Дарен. Смешно им! «Но ведь ты действительно привлекательный мужчина. Особенно когда смеешься. Я бы в толпе обратила внимание на такого», – возникла в голове мысль, и Виктория представила Алана в узких джинсах и облегающей футболке. Тело у него было великолепное, хотя сейчас не мешало бы набрать пяток килограммов.

– И?

– А то, что я получил заказ на ваш портрет. Знаете, от кого?

– От герцога Вас'Хантера, – безразлично пожал плечами Алан. – Вы давно с ним знакомы?

– Давно. Я служил у него в замке, когда он еще был маркизом. Там и получил ожоги.

– Неужели герцог толкнул тебя в огонь? – поинтересовался Иверт, наливая в кубок ксена вино.

– Нет, – сухо ответил Эдар. – Мне интересно, откуда герцог знает, что я теперь служу в Крови?

– У вас в ордене утечка информации. Меня больше интересует, отчего он решил, что ты выполнишь его просьбу? – внимательно следя за Искореняющим, медленно проговорил Алан.

– Он думает, что у него есть, чем меня шантажировать, – усмехнулся ксен. – Он обещал хорошо заплатить и объяснил свой интерес желанием выдать за вас дочь. А портрет ему нужен, чтобы показать девушке.

– Обычно портреты невест присылают жениху, – задумчиво буркнул Рэй, поглядывая на Искореняющего с недоверием. – И что ты собираешься делать, брат Эдар?

– Как решит кир Алан.

– Он просил портрет конта Валлида? Или Алана Валлида? – постукивая пальцами по столу, произнес конт, рассматривая ксена.

– Конта Валлида.

– Ты так хорошо рисуешь?

– Не так хорошо, как раньше. Все же отсутствие глаза и нескольких пальцев не способствует росту таланта.

– Отлично. Пусть Неженка нарисует Берта, но с темными волосами и глазами, – Рэй одобчительно хмыкнул, но не стал ничего говорить, за что Алан был ему благодарен. Рано пока.

– Чего еще хотел от тебя герцог?

– Больше ничего.

Ну что же, поверим на слово, но слежку пока снимать не будем. Интересно, герцог хочет убедиться в подлинности наследника или в том, что храмовники не водят его за нос?

После обеда Виктория плюнула на неизвестного гостя, на ксена и герцога с их интригами и занялась приготовлениями к свадьбе. На сердце было беспокойно, лазутчика не нашли, и это всех немного нервировало. Зато вечером, когда с поля вернулись рабы, появились первые новости. Принес их Санника.

– Хозяин, у меня новый раб появился.

– Ты сам его купил? – Алан, увлеченно обсуждающий с Райкой и Рэем детали церемонии, не сразу понял, о чем речь.

– Нет, – усмехнулся раб. – Он пред ужином обнаружился в бараке в самом дальнем углу. Сказал, что его перевели из Рогана, и что он помогал сегодня пасти коров, а теперь главный пастух отправил его в Кровь.

– У нас стадо выгоняют на несколько дней. Там на лугу и доят, и в бочки молоко сливают, и заквашивают. Пастухи меняются раз в техдневку, – пояснила Райка.

– Вот и думаю, не наш ли это лазутчик притворился новым рабом? – кивнул Саника.

– Он, как есть он! – довольно потер руки Рэй. – В пыточную?

– Ни в коем разе! Саника, сделай вид, что поверил, да приставь к нему кого-то половчее. Чтобы глаз не спускали. Обо всем докладывать будешь мне.

– Знаешь, в чем проблема герцога? – спросил Иверт у капитана, когда Саника ушел. – Он судит о Бешеном Алане как о других. Он ищет мышь и не видит орла.

Виктория только усмехнулась, широко зевая. Спать хотелось жутко, ныла рана на плече, гудела голова, в глазах мелькали мушки, а еще слегка болела диафрагма, но это не самое страшное. Это приятная боль, последствие их с Ивертом хохота. Просто тело забыло, как это – смеяться, и теперь реагировало.

– Я спать. Иверт, ты со мной?

– Лучше возьмите «подарок» Длани, – посоветовал Рэй. – С ним вы быстрее заснете, чем с этим горцем.

Капитан и Иверт заржали. Солдафоны! И шуточки у них солдафонские! Виктория задумалась, может, возмутиться или обидеться, но затем решила, что это будет совершенно не мужски, и только покрутила пальцем у виска, едва сдержавшись, чтобы не показать мужчинам язык.

Она вышла на улицу и втянула в себя прохладный воздух. Скоро наступят холода, а там и снег выпадет. Не забыть бы узнать у мастеров, что прикупить к зиме. И вернуться в Кровь нужно до снегопадов.

– Кир Алан.

Эдар неслышно возник из тьмы и остановился в густой тени. Умеют они здесь двигаться бесшумно. Виктория же сколько ни тренировалась, а все равно в этом теле ходила, как медведь.

– В последние годы среди ксенов возникли разногласия. Часть считает, что Храм стал слишком мягок со своими врагами, что троевластие не оправдывает себя, что Наместник и Приближенные далеки от простых служителей. Слишком разнится жизнь скромного ксена на фронтире и ксена, служащего при дворе аристократа. В Храме давно пора провести чистку. Я был среди тех, кто поддерживал эти взгляды. Нам казалось, что если мы сменим нынешнюю династию и старого Наместника, то все изменится. Кандидатом на трон выбрали герцога Вас'Хантера. Но он отказался. Он остался верен Наместнику и договору о дружбе. Тогда мы предложили трон его брату и поддержали его в войне. Как вы знаете, сейчас в герцогстве новый хозяин. Но то, что я увидел после того как он вошел в город, повергло меня в ужас. Я понял, какого монстра мы привели к власти. Костры пылали на каждой улице, кровь лилась рекой, сотни убитых, замученных, изнасилованных. Ненужные жертвы, ненужная жестокость... Тогда мы узнали, как ошиблись, внушив маркизу мысль о Короне Королей. Этот человек зальет страну кровью. При нем в Храме власть возьмут фанатики. Я стоял у истоков переворота, и тоже виновен в смертях многих. Именно этим герцог меня шантажирует.

С этими словами он так же тихо исчез, как и появился.

Виктория еще немного постояла на улице, осмысливая услышанное. Странное поведение ксена вызывало у нее недоверие. Прибыть к неизвестному владельцу и сразу выложить ему всю подноготную мог либо дурак, либо уверенный в конте человек, играющий свою собственную игру. Эдар был неизвестной величиной, и как к нему относиться, Виктория пока не решила. Она застыла на месте, прикидывая, с кем можно обсудить поведение ксена, но, кроме Алвиса, никто на ум не пришел. А Длань был далеко, да и расстались они скорее примирившимися врагами, чем друзьями. Виктория тяжело вздохнула и отправилась к себе. Неслышной тенью за ней скользила Кусь. То, что рассказал ксен, не являлось новостью, но она понимала, каким мужеством нужно обладать, чтобы признаться в таком поступке. Особенно, зная, что когда-нибудь эти слова Алан Валлид сможет использовать против того, кто их произнес.

– Хозяин, – шепот Саники догнал уже на лестнице.

Виктория остановилась, поджидая раба. Кусь слегка зарычала, она не любила Санику и постоянно на него порывивалась, впрочем, кусаться не пыталась.

– Я насчет нового раба. Он никуда не лезет, но обо всем выпрашивает. Какой гарнизон, сколько слуг, сколько рабов, как часто вы ездите в Осколок и Роган. Что люди о вас думают. То к одному подсядет, то к другому. И с каждым находит общий язык. И так все незаметно, словно и не интересно ему. Если бы я не знал, что нужно слушать, и не догадался бы.

Виктория хмыкнула. Профи. По меркам этого мира – профи. И явно не простой слуга, раз умеет найти подход к каждому. Значит, не диверсант, а разведчик.

– Тогда сделай вид, что именно такого помощника ты искал, и приблизь его. И расскажи ему следующее...

Сольем немного дезы герцогу...

В комнате конта ждала девушка. Опять. На этот раз – симпатичная молоденькая рабыня. Да сколько можно! Виктории казалось, что в ее спальне уже перебивали все молодки Крови. Светика настойчиво пыталась найти замену Олике. Черт знает что! Вот упорная.

– Возьми второе одеяло и ложись у стенки.

Порадуем Светику, сделаем вид, что на этот раз она угодила. Уже засыпая, Виктория подумала про Зиру и вдруг отчетливо поняла, что скучает по ней, по ее нежным рукам, по ее гладкому телу, по запаху корицы и лимона, по узким ступням с накрашенными красными ноготками, по шелковистым волосам и зеленым глазам. Это было так необычно, что она распахнула глаза и долго лежала, уставившись в темный потолок. Это что же выходит? Когда она думает о Зире, она ощущает себя Аланом. Каждая их встреча, каждое слово, сказанное зеленоглазой горянкой, каждое ее прикосновение воспринимались разумом как должное. Не было отторжения, не было того щемящего чувства неправильности, которое возникало у нее каждый раз, когда она оставалась наедине с женщиной. Зиру тело воспринимало как родную, с нею измученная душа отдыхала. С нею и только с нею Виктория мирилась со своим мужским телом и ни разу не пожалела, что Зира видит в ней Алана. Отчего так? От того, что она была у обновленного конта первой и единственной? Или оттого, что Виктория видела в девушке Иверта? А может быть, подсознание научилось делить разум на две части – мужскую и женскую? Или наконец-то она приняла это тело?

«А может, потому что ты всегда была бисексуальна, но в виду воспитания никогда не придавала этому значения?» – прошептал внутренний голос и затих, испугавшись собственных мыслей.

Вопросы, вопросы, и нет на них ответов.

Рядом беззвучно спала девушка, но она совершенно не возбуждала конта. Скорее даже наоборот. Слишком юная, слишком невинная и слишком испуганная. «Е-мое! Да я становлюсь настоящим мужиком!» – была последняя мысль перед тем, как Виктория уснула крепким сном честного человека.

Всю ночь ей снились обнаженные девушки, которые гонялись за контом с сачками, а впереди всех бежала Виктория в защитном комбинезоне и, размахивая деревянным парабеллумом, кричала: «Стой, сволочь! Тебе не уйти от большой и светлой любви!»

Утро выдалось суетное. Литина нервничала, Турид нервничал еще больше и шлялся по Крови, словно недокормленный призрак отца Гамлета. Брат Искореняющий командовал украшением храма, Райка орала на кухарок, Светика носилась со скатертями и серебряной посудой, подавальщики накрывали столы, старшие дети таскали из-за стены букеты, а малыши обрывали листья с больших красных цветов и складывали их в маленькие корзинки. Веселая предпраздничная суета.

И, наконец, настал торжественный момент. Все собрались во дворе, образовав длинный живой коридор от двери донжона до храма. Музыканты заиграли красивую печальную мелодию. Когда Иверт поинтересовался у конта, отчего мелодия такая печальная, услышал в ответ, что это плач по загубленной молодости. Он так и не понял, шутил Бешеный Алан или говорил серьезно.

– Идут, идут! – закричал кто-то из мальчишек.

Из донжона вышла трехлетняя дочка покалеченной рабыни Маричка с корзинкой в руках. Она сосредоточенно и старательно рассыпала под ноги лепестки, следом шли Тур и Дарен, оба в белоснежных рубашках, оба при церемониальных мечях, оба строгие и ужасно важные. Они несли маленькие деревянные шкатулки. Когда Виктория смотрела на них, ее сердце наполнялось гордостью, словно это она выносила, родила и воспитала этих мальчишек. Ну и плевать, что не она! Эти парни – ее! И пусть кто-нибудь только посмеет заявить обратное! Вот еще вернется Ольт, и будет у нее вновь трое сыновей. Хорошо бы Зира родила девочку. Маленькую черноволосую девчушку с зелеными глазами. Похожую на своих мать и дядю. И имя она уже ей придумала. Она назовет ее Виктория. Победительница. В память о... себе. О той себе, которая все еще борется за жизнь в этом мужском теле.

Конт Валлид вел под руку Литину в изумительном голубом платье, расшитом золотом и жемчугами. Замыкали шествие четверо воинов в парадных мундирах. Тоже изобретение Виктории. Непрактично для боя, зато очень эффектно в таких вот торжественных случаях.

Наградой ей были крики восторга и абсолютно глупое лицо жениха. Конт подвел Литину к Туриду и передал из рук в руки.

– Береги ее. И сделай счастливой.

Они вошли в храм и остановились напротив портретов братьев. Новый ксен Крови улыбнулся и начал нараспев читать «Песнь любви».

– ...Пусть Ирий дарует вам друзей, а Вадий избавит от врагов. Именем Отца Небесного называю вас мужем и женой! Да будут все свидетелями! А теперь в знак любви и верности обменяйтесь кольцами.

А вот это было для местных чем-то совершенно новым. Невиданным и неожиданным. Виктория довольно улыбнулась. Ей удалось удивить людей, никогда не слышавших об обычае обмениваться кольцами. Ну не признаваться же, что ностальгия по родине замучила! Тур и Дарен вышли вперед и открыли коробочки с золотыми ободками, символизирующими для одного конец одинокой жизни, а для другой надежду. Самые настоящие обручальные кольца с вырезанными на внутренней стороне словами «Литина + Турид = любовь». И только Вадий знал, сколько это стоило Конту, и как удивился ювелир, когда Кэп пришел к нему с заказом. Это был подарок Валлида своей бывшей жене, и теперь, глядя на плачущую от счастья Литину, Виктория ни секунды не пожалела о переплавленных золотых монетах, из которых отлили эти невзрачные колечки.

– Целуй жену! – заорал конт.

– Целуй! – подхватили все.

В молодоженов полетели зерно и мелкие голубые цветочки.

Эх, хорошо! Почти как дома. Осталось напиться, устроить мордобой и заснуть в салате.

– Слушай, Бешеный Алан, – наклонился к конту Иверт, когда они уже наорались здравниц, пожелали молодым всяческих благ и теперь просто сидели – сытые, умиротворенные, добрые. – А ты уверен, что твой «подарок» – девушка? Ты хорошо рассмотрел? – Он кивнул на стол, за которым сидели рабы.

Мая в мешковатой мужской одежде выглядела стопроцентным парнем. Она сидела рядом со смущенным Неженкой, и он казался более женственным и трепетным, чем она. Перед

«подарком» стояла полная тарелка, но девушка, не стесняясь, таскала зажаренные кусочки мяса с тарелки художника.

– Ну, я не очень внимательно рассматривал, – признался Алан, пристально следя за Маей и Неженкой. – Просто глянул, что ничего не торчит.

– А вдруг этот «принц» просто зажал их? – не унимался подозрительный игуш.

– Кого «их»? – не поняла Виктория, которая стала мужчиной недавно и еще не знала о таких тонкостях.

– Яйца! – зашипел Иверт. – Знаешь, вот что-то меня сомнения начинают одолевать. Надо бы проверить хорошенько еще раз.

– И кто проверять будет? – прищурился Алан.

Они допивали второй кувшин вина, и настроение из стадии «просто весело» плавно перекатывалось в «чего бы отчебучить».

– Вместе! – твердо заявил игуш. – Чтобы уж точно! Эй, «подарок», иди сюда! – замахал он руками.

Виктория окинула взглядом окружающих и улыбнулась. Все же хорошо, что им удалось вот так собраться всем вместе по приятному поводу. И пусть все сидели согласно иерархии, но все равно она чувствовала полное единение со своими людьми. Рэй увивался за Райкой, и кухарка сегодня была на удивление благосклонна. Тур и Дарен давно уже отпросились и убежали с другими детьми куда-то на стену, смотреть, как солнце будет садиться за горы, чтобы в момент, когда последний луч коснется неба, успеть загадать желание. Литину и Турида с песнями и пошлыми шуточками отправили спать. Брат Искореняющий удалился в храм в компании мастера Семона, прихватив с собой кувшин вина и блюдо с мясом. Шпион сидел рядом с Саникой, и тот постоянно подливал ему в кубок вина из кувшина с синей полоской. Райка предупредила конта, что в эти кувшины налиты крепкие вина.

– Привет, мальчики! – «Подарок» с лукавой улыбкой стояла рядом. – Так ты и правда мой хозяин? – Мая оценивающе осмотрела конта и безапелляционно заявила: – Такой хозяин мне подойдет!

– Эй, ты и наглая, женщина! – восторженно произнес Иверт, подталкивая к ней ногой стул. – А плетей за непочтение?

– Он обещал, что вернет меня отцу в целости и сохранности! – заявила девушка, плюхаясь на стул. – Сам сказал, я за язык не тянула. А раз так, то зачем соблюдать все эти условности? Да, хозяин? – Она перевела на конта чистый взгляд синих глаз. – Но если ты хочешь, я могу притвориться, что жутко тебя боюсь и уважаю.

– А на самом деле не боишься и не уважаешь? – скептически поинтересовалась Виктория, прекрасно видевшая за напускной бравадой напряженную, сжатую, словно пружинка, юную душу.

– Не боюсь, но уважаю. Разбираться в людях меня учили с детства. Ты человек слова, и я верю тебе. – Мая открыто и легко улыбнулась, протягивая конту руку. – Я верю тебе, верь и ты мне.

– Жест настоящего мужчины! – тотчас заявил Иверт и многозначительно подмигнул конту.

Виктория усмехнулась, пожала протянутую ладонь и сразу заметила, как с облегчением вздохнула «принцесса».

– Мальчики, а давайте выпьем?

– А давай! – Иверт с самым заговорщицким видом потянулся к кувшину с синей полоской. – До дна!

«Ох, ешкин кот! Или лучше вспомнить скунса? За что же ты, судьба, меня так не любишь? Это же надо, так накачаться, чтобы не помнить, чем дело закончилось. Фу, какая

гадость поселилась во рту? Рассола! Полконства за рассол! Ну почему, если вчера было весело, здорово и очень приятно, то на утро обязательно гадко, противно и очень больно? Кто бы голову повернул на бок и глаза открыл. Поднимите мне веки!»

Рядом тихонько застонали мужским голосом.

– Эй, Бешеный Алан, в кувшине вина не осталось? – прохрипел Иверт. – Как вы можете столько пить?

– Мы не можем, – простонал в ответ Алан, свесившись с кровати, он наконец-то смог открыть один глаз.

Да уж... Все вокруг орало о бурно проведенной ночи. Мужская одежда валялась везде. На столе, на полу, на подоконнике, даже на шкафу и в камине. И почему-то штанов было три пары. А вина не было. Совсем не было. Только пустой кувшин сиротливо лежал возле кровати.

– Вина нет! Нет вина!

– Вадий всемогущий, что же вы так орете?

Виктория, придерживая руками голову, медленно повернулась и так же медленно несколько раз моргнула, пытаясь сфокусировать взгляд.

– Ты что делаешь в моей кровати? – задала она очень умный и уместный вопрос.

– А то, что в твоей кровати лежит горец, одетый лишь в улыбку, тебя не возмущает? – не осталась в долгу Мая. – Ты сам предложил пойти проверить, женщина я или парень. Еще и Хвата звал с собой, как гаранта вашей порядочности, – захихикала она и передразнила: – «Я только посмотрю, а трогать руками не буду! Ни-ни!»

– И как, проверили? – Виктория с удовольствием поглядывала на потягивающуюся девушку. И никакого смущения не чувствовала! Это было странно, но приятно.

– Мальчики, вот скажу вам честно, – Мая легла на спину и закинула руки за голову, совершенно не стесняясь своей наготы. Виктория отметила, что грудь у нее все же есть, но очень маленькая. – Я не помню!

– Я тоже, – по другую сторону от девушки над подушкой приподнялась голова Иверта. – Бешеный Алан, мне кажется, что мы смогли лишь раздеться.

– Угу. Очень быстро и очень качественно. Догола! Хорошо, хоть Мая оказалась между нами, – буркнул Алан, глядя на едва сдерживающего смех Иверта. – Нет, ну что ты опять ржешь? Представляешь, если бы мы проснулись в обнимку...

Виктория это прекрасно представила и почувствовала, как краснеют уши. Иверт не выдержал и все же рассмеялся, откинувшись на подушку. Глядя на него начала хихикать Мая.

– Да ну вас, придурки!

Виктория сползла с ложа и, пошатываясь, поплелась по комнате собирать свои вещи под дружный смех... кого? Кто для нее эти двое? Иверта она давно уже про себя называла другом, а вот Мая? Кем станет для конта «подарок»? Алан натянул штаны и повернулся к притихшей парочке.

– Слушай, Иверт, выходит, мы так и не убедились в том, что она девушка?

Ответом ему был очередной взрыв хохота. Ну и что такого он сказал?

Иверт со смехом стянул с Маи одеяло.

– Девушка! Я очень хорошо все рассмотрел! И даже пощупал!

– Не верь ему, хозяин! Не было такого! Щупал меня ты!

Мая, хохоча, швырнула в горца подушкой и, отобрав одеяло, накрылась с головой.

– Мальчики, шли бы вы заниматься делами, а я еще посплю.

– Бешеный Алан, мне нравится наглость твоей новой рабыни. – Иверт перелез через Маю, ползком добрался до края кровати, поймал штаны, брошенные в него контом, и, натягивая их, продолжил: – Ты рабыня! А рабыня должна работать, а не спать дольше своего хозяина!

– Угу, – сонно произнес девичий голос из-под одеяла. – Кем я только не была: воровкой под прикрытием, торговкой, виконтом, бароном, шлюхой, контессой, даже один раз ксеном.

Теперь вот рабыня. Между прочим, я работаю! Грею господину постель, – она громко и вкусно зевнула. – Хозяин, ты ведь не против?

– Спи, рабыня-принцесса, – усмехнулся конт, выходя из комнаты.

Солнце стояло высоко. Черт, давно она так долго не спала. Сейчас бы хорошую физическую нагрузку да баню. Эх, мечты, мечты.

Виктория поднялась на верхнюю площадку донжона, откуда начиналась канатная дорога на скалу. Караульный, увидев конт, вытянулся в струнку и прижал к груди кулак. Алан кивнул воину и ухватился за кожаную петлю, Виктории просто необходимо было подумать, привести мысли и чувства в норму, понять, что делать дальше и как жить.

Любимый камень отдавал в спину легкой прохладой, сверху светило солнце, уже не такое жаркое, как еще месяц назад. Скоро начнутся дожди. Воины не беспокоили конт, лежащего на камне с закрытыми глазами, они знали, что в такие моменты господина лучше не трогать.

– Доброе утро, Виктория, – раздался тихий голос, и на камень опустился синеглазый мужчина в белом костюме.

Виктория приоткрыла глаза, чтобы тотчас их замурить.

– Выключи иллюминацию, на тебя смотреть невозможно.

– Ты неисправима. – Ирий улыбнулся и перестал светиться.

– Чем обязан?

– Ты все же решила принять это тело, – грустно констатировал ангел. – Знаешь, мне кажется, что тебе в нем неудобно.

– Тебе только кажется, – произнесла Виктория, закинув руки за голову. – Я к нему привыкаю. Не могу сказать, что мне легко, но знаешь, иногда я с ужасом думаю, что если бы в прошлой жизни я была мужчиной, и меня запихнули в этом мире в тело женщины...

– А в чем разница?

– В свободе. Мужчины могут выбирать.

– Спорное утверждение, – улыбнулся Ирий. – Вот ты выбрала Иверта, и к чему это привело? К безответной любви, к мукам, к нереализованным желаниям. Ты стала несчастной. А будь ты женщиной, у тебя были бы все шансы завоевать гордого игуша.

– Ты не понимаешь, – улыбнулась Виктория. – Я и сейчас могу завоевать Иверта. Я это вижу, чувствую, знаю. Он мой должник, и будь я более напористой, более откровенной, более циничной – он сдался бы. Только мне этого не нужно. Любовь – это не исполнение своих эгоистических прихотей, любовь – это умение жертвовать ради другого человека, это уважение его чувств, это радость от осознания, что он счастлив. Мне достаточно видеть его глаза, достаточно, чтобы он был рядом, достаточно его дружбы.

– Значит, ты не любила его, раз так легко сдалась.

Виктория с сожалением посмотрела на Ирия.

– Мне жаль тебя, ты так ничего и не понял. Так зачем ты пришел?

– А ты любила своего мужа?

К чему этот вопрос?

– Да, я любила своего мужа, – спокойно ответила она.

– Он умер. Сейчас его душа находится у нас, и я мог бы сделать так, чтобы вы были вместе. Вместе переродились в следующей жизни, счастливо ее прожили бы. Если хочешь, я даже сохраняю твою память. Тебе нужно просто воспользоваться моим предложением. Ну подумай сама, зачем тебе этот мир? Тебя в нем ничего не держит! Тебя никто не любит, люди погрустят немного и забудут о конте Валлиде, здесь у тебя одни проблемы, враги, и никто не гарантирует, что ты не погибнешь через несколько дней. Но тогда мое предложение уже не будет действовать.

Тварь! Знает, как ударить побольнее. Знает, как она скучает по своим мужчинам. Как иногда мечтает вернуть все, чтобы успеть сказать те важные слова, которые так трудно произносить при жизни, на которые всегда не хватает времени. Все рассчитал. Дождался момента, когда конт оказался на распутье. Когда наступило время окончательного выбора. Сейчас ничего не держит Викторину в этом мире, кроме долга. Любовь к Иверту превратилась в спокойную крепкую дружбу, а другая любовь еще не вспыхнула обжигающим пламенем. Но он не учел того, что она наконец-то смогла преодолеть чувства к игушу, что она приняла Зиру как мать своего ребенка и как женщину, с которой у Алана что-то может получиться, что в ее жизни появилась смешливая и беззаботная Мая, что она узнала, кто скрывается за словом «Чупачурик», у нее появились цель и смысл жизни. А этот светлый голубчик предлагает променять все это на призрачное счастье? Вернуть счастливую жизнь? Жизнь, в которой не будет выбора, потому что выбор за нее сделал Ирий, решив вновь соединить ее душу с душой ее мужа? Видите ли, он сохранит ей память! Чтобы она наверняка помнила и знала, кто захотел поиграть чувствами и мыслями смертных?

– Что я могу для тебя сделать?

– Ты ведь не уберешь из моей памяти воспоминания? – Ирий отрицательно покачал головой. – Тогда, может быть, подаришь мне какой-нибудь тумблер? Щелк – и я Алан, еще раз щелк – Виктория, – грустно пошутила она, ложась обратно на камень.

– Ты хочешь сохранить два сознания в одном теле? – судя по интонации, эта идея показалась светлему богу не такой уж и плохой. Он даже ехидно усмехнулся. – А это может быть интересно, – пробормотал себе под нос. – Пусть попробует отмотать назад.

– Уйди. Прошу по-хорошему.

Виктории удалось сказать это спокойным холодным голосом. Ирий укоризненно вздохнул и исчез.

Как же больно! Горе накатывало на душу горячими волнами, выжигало рубцы на сердце, сводило спазмами желудок. Сухие глаза нестерпимо жгло, хотелось рыдать в голос, кричать, крушить все вокруг, но слез не было. Это несправедливо! Он не должен был умереть! Только не он! Он был еще так молод! Бедные мальчишки, как же им тяжело, как тяжело. Похоронить мать, а следом отца. Остаться сиротами за несколько месяцев. Сволочь! Неужели ради того, чтобы заставить Викторину уйти из этого мира, Ирий убил ее мужа?

– Как ты могла такое подумать! – раздался в голове возмущенный голос Ирия. – Просто его время пришло.

– Да пошел ты! Я выполню свою часть сделки с Вадием! Выполню, чего бы мне это ни стоило!

– Оська, завтра мы уходим. Ты хотел подготовить моего двойника. Можешь этим заняться.

– Оська уже убежал, Алан-малан! Можешь на него положиться!

– Рэй, пока меня не будет, разбей воинов на группы. Лучники и арбалетчики, легкая конница, легкая пехота, штурмовики, ты знаешь, о ком я говорю, мы не раз это обсуждали. А самых ловких, хитрых, умелых определи в спецназ, это будет элита нашей маленькой армии – диверсанты, разведчики, убийцы. Они должны быть как тени, пришли, нагадили, ушли. Мне нужно, чтобы они ходили по лесу и по горам невидимо и неслышно, чтобы владели всеми видами оружия и рукопашкой. Мордобоем по-твоему. – Рэй усмехнулся. – Их возглавит Иверт, а подготовкой займешься ты лично. Отбери опытных десятников и назначь их старшими в каждой группе, это будут сержанты. Костяк нашей армии. Вот, держи, – Алан протянул капитану кипу бумаг. – Я здесь все расписал. Людей в спецназ отбери со всех замков.

– Надо бы названия каждой группе дать, а то длинно выходит, – задумчиво произнес Серый, прибывший сегодня в Кровь с небольшим обозом.

– Сами придумайте, мне некогда.

– Кир Алан, посмотрите, пожалуйста. – Брат Эдар протянул конту лист бумаги.

– Что это?

– Отчет в орден Искореняющих.

Как интересно. И с чего это вдруг ксен решил расщедриться? В принципе, ничего интересного. Вскользь про приезд сумасшедшей виконтессы, несколько слов о планах конту посетить все свои замки с инспекцией, подробно про свадьбу и очень подробно об удачно проведенной местной травницей операции «ивертово сечение». С рисунками, описанием материалов, трав, состояния больной и младенца. И три слова о том, что конт ассистировал ворожее.

– С вашего позволения, я отправлю своему Учителю более подробное описание операции.

Уж куда более?

– Я не возражаю, если это поможет спасти жизни роженицам. – Алан протянул письмо ксену. – Брат Эдар, зачем ты мне его показал?

Единственный глаз ксена смотрел внимательно и с легким вызовом.

– Не буду лгать, что я не преследую никаких целей. Вы прекрасно осведомлены, что ксены обязаны сообщать в канцелярию обо всем интересном, что происходит на вверенной им территории. – Алан кивнул. Он об этом догадывался. Великолепная шпионская сеть. – Я не хочу вам вредить, кир Алан. Привык доверять собственной интуиции, а она говорит, что с вами я смогу достигнуть большего, чем места простого ксена в замке на фронтире. Я поддержу вас в борьбе за власть, если вы решите вернуть себе трон. У меня еще остались друзья в столице...

– А взамен...

– Я хочу место Приближенного ордена Искореняющих, – твердо заявил брат Эдар.

Оба-на! Хм... а нужна ли Алану Валлиду его поддержка? Хотя, иметь за спиной отряд умелых и жестоких братьев Искореняющих весьма заманчиво. Вот только... как бы лекарство не оказалось хуже болезни.

– Я пока слишком плохо тебя знаю, чтобы доверять. Давай вернемся к этому разговору позже.

– Я не удивлен вашим ответом, было бы наивно думать, что вы сразу согласитесь. Но я не хочу недомолвок. Меня сослали в Кровь, хотя ничего плохого для Храма я не сделал.

Угу, только хотел сместить нынешнего Наместника. Ксен ушел, а Виктория еще долго хмуро смотрела ему вслед. Играет, чтобы втереться в доверие, или на самом деле искренен? Время покажет.

– Тур, с брата Искореняющего глаз не спускать! Где Берг?

– Отбыл на рассвете раскапывать пещеру, – отрапортовал мальчишка.

– Кир Дарен, пока меня не будет, ты остаешься владельцем Крови. Советуйся с Рэем и Туром, но решения принимай сам. Спрошу с тебя.

Они завтракали в столовой, и Алан давал сыну последние наставления.

– Хорошо, папа. А можно мне с тобой?

– А кто останется присматривать за нашими людьми?

– Я понимаю, но вдруг с тобой случится что-нибудь? – Дарен хмуро ковырял вилкой в тарелке.

– Дар, я постараюсь вернуться как можно скорее. Обними меня, сын.

Сын... какое емкое слово. Как много оно значит для неприкаянной души, пытающейся обрести себя...

– Саника, что наш шпион?

– Сегодня утром исчез. Ушел на прополку со всеми рабами. Отлучился в кусты и исчез. Пацанята видели, как он уходил лесом, у него там лошадь была стреножена на поляне, но вы приказали его не трогать, поэтому мы провели и отпустили.

– Ты его снабдил нужными сведениями?

– Все, как вы приказали, хозяин.

– Приветствую самого лучшего лекаря фронта! – гаркнул Валлид, подкравшись к ворожее сзади.

– Конт, смерти моей хочешь? Так орать над ухом! – Женщина развернулась и огрела смеющегося Алана деревянной ложкой.

– Прости, не удержался. Ты так сосредоточенно рассматривала эту банку. Бе! Что это за гадость в ней плавает?

– Паук ядовит. Что ты хотел, конт?

– Как роженица?

– Удивительно, но идет на поправку. Никак вам сам Ирий ворожил. Уже встает. Одноглазый ксен меня замучил расспросами, – пробурчала друида, но Виктория уловила в ее голосе гордость.

– Я уезжаю, собери мне, пожалуйста, все, необходимое в путешествии. На все случаи жизни, – многозначительно произнес конт.

– Кэп, отправляйся на корабль. Через день он должен быть готов выйти в море. С тобой едут брат Турид с женой и Мая.

– Иверт, перед отъездом я бы хотел встретиться с твоим отцом. Выезжаем сегодня.

– Эй, ты уверен, что тебе нужен Гривастый Волк?

– Да. Проводишь меня к нему, а сам вернешься в Кровь. И не смотри на меня так хитро! Ладно! Я соскучился по твоей сестре! Доволен?

– Еще как, – Иверт расплылся в широкой улыбке, обнажив белоснежные зубы. – Я буду готов через полрыски. Пойду, Хвата предупреджу.

– Райка! Ты сошла с ума? Да я не съем этого за год! – Виктория с возмущением смотрела на пять больших корзин, заполненных свертками, горшками, чугунками и мешочками.

– Знаю я, как готовят в вашем Осколке! Да и в Рогане не лучше! Насмотрелась! У вас желудок деликатный, а там привыкли свиням готовить! И не спорьте со мной, кир Алан, а то...

– А то что? – со смехом прищурился конт.

– А то не будет вам сладкого!

– Райка, так не честно! Твои пирожки с ягодой – это лучшее, что есть в моей жизни!

– Ой, кир Алан... – кухарка всхлипнула и счастливо улыбнулась.

– Светика, чтоб к моему возвращению замок сиял! Законопатить щели, проверить крышу, промазать стены. И не стесняйся гонять мастеров. Управляющая ты или кто? И проверь, чтобы рабы тоже утеплили свой барак. Скоро осень. Составь списки, что нужно купить. И еще... – Конт обнял пискнувшую девушку и шепнул ей на ухо: – Не вздумай выскочить замуж, пока я не вернусь! Я сам подберу тебе жениха.

– Пока вы подберете, я от немочи помру, – раскрасневшаяся Светика прижалась к конту сильнее. – Вы такой горячий, кир Алан, я прямо вся горю. А «подарок» ваш с вами едет?

– Со мной.

– Это хорошо, кир Алан, – шепнула Светика, нехотя отодвигаясь от конт. – А про жениха я вам напомню, как вернетесь. Очень замуж охота. – Она опустила взгляд и вздохнула.

– Неужели вырвались? – с недоверием оглядываясь назад, спросил у Иверта конт, когда они отъехали от Крови на несколько километров.

Хват, едущий рядом, усмехнулся.

– Капитан Рэй словно насадка. Я был уверен, что он за нами погоню вышлет.

– Вот и я так думал, – оглянулся теперь уже Иверт. – Хват, ты со своими воинами поезжай в Осколок, а мы здесь свернем. Проведу Бешеного Алана через горы, чтобы след запутать.

– Двое поедут с вами. Я перед маркизом отвечаю за безопасность кира Алана.

Виктория согласно кивнула и еще раз оглянулась. Бежали они из Крови, словно тати ночные, подловив момент, когда Рэй отвлекся на смену караула. Ведь меньше чем с тремя десятками воинов отпускать конта из замка капитан не соглашался. Да еще и сам хотел провести до Осколка. И на все уговоры, приказы и угрозы у него был один ответ: «Вы в прошлый раз уже без охраны поехали. Вот вернетесь в Кровь благополучно, тогда можете меня под арест посадить».

К родному аулу Иверта выехали в сумерках. Во дворе дома Гривастого Волка их уже ждали – стройный и худощавый Ибог и еще один улыбчивый мужчина, при виде которого Иверт нахмурился. Они бегло заговорили на своем наречии, Алан обернулся к Ибогу, и парень, тихо подойдя ближе, начал переводить. Говорил он на языке равнин намного хуже своего старшего брата, но Виктория прекрасно поняла, о чем речь.

– Эй, что ты делаешь в доме моего отца, Ростам?

– Приехал сватать твою сестру, – улыбнулся незнакомец, гордо вскинув голову.

– А разве отец назначал смотрины?

Виктория спешила, передала поводья Угля подбежавшему мальчишке и прислушалась к интонациям. Иверт злился, а незнакомец говорил с превосходством в голосе. Интересно, которую из сестер Иверта сватает этот мачо?

– Он назначил выбор. Ты же знаешь закон, женщина в тягости не предлагает себя, а выбирает.

Иверт грозно сверлил мачо взглядом, а тот беззаботно лыбился. Так и хотелось подойти и проверить его челюсть на крепость. И этот хмырь претендует на руку Зиры? Его Зиры? В мозгу что-то щелкнуло, словно переключатель сработал. Тело встрепенулось, и на Ростам с ненавистью посмотрел конт Алан Валлид, резко оттеснивший куда-то на задворки сознания свое женское начало. И что значит – она будет выбирать? Ох, какое сильное и забытое чувство. Ревность. Алану оно было незнакомо, ему некого было ревновать, он всегда получал то, что хотел, а вот Виктория еще помнила, что это такое. Но такой сильной, всепоглощающей, яростной, горькой и ядовитой ревности она не испытывала никогда. В голове стучала лишь одна мысль – убью! И совершенно неважно было, насколько велик шанс соперников реально заинтересовать Зиру: важно прямо сейчас пресечь любые попытки!

«Стоп! Успокойся, самец! Валлид, возьми себя в руки! Это не твои чувства, это чувства того, прежнего Алана, это его злость, его желание драки. Ты же цивилизованный человек, тебе претит мысль о насилии, так почему ты лишаешь Зиру выбора? Это ее жизнь, ее сердце и ее любовь. Она ведь не давала тебе повода думать, что любит, так почему ты так болезненно это принимаешь?»

Вдох, выдох. Счет до десяти и обратно, улыбка.

– Иверт, ты сообщишь о нас отцу?

– Алан!

Вот глупое сердце! Ну и чего ты так колотишься?

– Здравствуй, Рыжая Ласка. – Лицо мужчины озарила мягкая улыбка. Алан протянул обе руки. – Я скучал, – вырвалось само собой. – Я так скучал.

Она прижалась к нему, уткнулась в колючугу и тихо заплакала.

– Ну же, – Алан приподнял двумя ладонями ее лицо и осторожно поцеловал в мокрые соленые щеки. – Не плачь, ведь ничего не случилось.

– Это все из-за ребенка. Я сейчас плачу и от радости, и от горя, – сквозь слезы улыбнулась Зира. – Женщины говорят, что будет девочка, раз я постоянно лью слезы.

– Зира, я так счастлив, – прошептал Алан, всматриваясь в зеленые глаза. Такие родные и близкие. – Девочка – это замечательно.

– Бешеный Алан, добро пожаловать в мой дом.

К ним подошел Сарх, и Зира смущенно отодвинулась к Иверту. Брат обнял ее за плечи и что-то зашептал на ухо. Девушка ойкнула и убежала к дому. Следом за нею пошел Ростам, и Алан вновь почувствовал укол ревности, но уже не такой сильный. Искренняя радость Зиры словно чистой водой смыла все дурные мысли с души. Но на всякий случай конт кивнул Иверту в сторону дома, друг все понял правильно и, прихватив воинов, поспешил вслед за сестрой. Сарх проводил их задумчивым взглядом.

– Тебе кто-то сказал, что сегодня в мой дом съехались женихи для Зиры?

– Нет. Просто я почувствовал, что если не успею, то потеряю что-то очень важное.

– Ты хочешь взять Зиру в жены?

Они сидели под разлапистым деревом, где когда-то конт познакомился с Ведмедом, и потягивали кислое вино, заедая его козым сыром. Вопрос повис в воздухе. Как объяснить Сарху то, что он чувствует? Как объяснить разницу между «хочет» и «должен»? Черт! Черт! Черт! Он еще не король, а уже страдает от тяжести долга! Будь проклята эта сделка! Алан машинально потер тавро на запястье.

– Сарх, я признаю ребенка своим, сделаю его наследником. Я подарю Зире замок, земли, все, что она захочет, но ты прекрасно знаешь, что Храм никогда не одобрит мой официальный брак с твоей дочерью.

Волк молчал, с довольной улыбкой рассматривая конту.

– Чем тебя привлекла моя дочь, вождь равнинников?

Алан задумался. Зира была полной противоположностью Виктории. Нежная, покладистая, тихая. Уютная. В ее объятиях он чувствовал себя умиротворенно. Ему хотелось к ней возвращаться. А еще она была матерью его будущего ребенка.

Сарх внимательно наблюдал за ним, не торопя и не ожидая ответа.

– Бешеный Алан, ты возьмешь мою дочь в свой дом по обычаю моего народа?

– Да. Если она этого захочет.

– Моя дочь умная женщина, я думаю, она сделает правильный выбор. А теперь ступай мыться, от тебя воняет, как от блудливого жеребца. Эй, Ибог! Проводи драгоценного гостя в мыльню и вели женщинам накрывать столы! Похоже, мы просватали Зиру!

Ну, спасибо, свекр! Или тесть? Вот дерьмо! Хоть бы не запутаться!

Знакомая мыльня с чашей бассейна была наполнена легкой взвесью пара. Ибог помог Алану раздеться и молча исчез, унес с собой грязную одежду и предварительно показал вход в маленькую пещеру, которую использовали как парную. Алан с удовольствием забрался на полку и лег, прикрыв глаза, но вспомнил, что забыл спросить, где мыло и мочалка. В прошлый раз его мыли две очаровательные девушки, и не приходилось заботиться о таких мелочах. Воспоминания о том, что последовало за помывкой, вызвали приятную истому внизу живота. Зира. До этого момента он даже не подозревал, что значит для него эта женщина. И причина его симпатии крылась не в ее схожести с братом, хотя это радовало и вызывало тихую грусть, а в ней самой. В ее нежности, податливости, в ее безграничном доверии, в умении слушать и слышать. Она приняла конту с его тараканами, страхами, неуверенностью, внутренним конфликтом. Ей не нужно было ничего объяснять, ничего доказывать, и это подкупало. Зира просто видела его таким, каким он был. Скорее всего, когда-нибудь ему захочется войти в бурный поток, но сейчас Алана привлекал штиль в тихой гавани.

Рыжая Ласка.

Она зашла неслышно, мягко ступая по полу босыми ногами. Высокая, стройная, с распущенными волосами, небрежной волной прикрывающими остроконечные груди. Алан следил

за нею, лежа на широкой скамье, куда взгромоздился после посещения парной. Мыслей не было, в голове гулко звучало эхо громкого шепота Виктории: «На этот раз позволь себе все». Действительно, сколько можно притворяться, что тебе это не нужно, сколько можно бояться и подавлять в себе желание? Мужчина он или нет? Пора было определиться не только на словах. И Алан отпустил чувства и эмоции, неспешно, плавно, полно.

Зира легко опустилась на колени, поставила рядом с собой широкую миску с пеной и, окунув в нее мочалку, начала осторожно намыливать плечи мужчины. Он расслаблено лежал, позволяя своей женщине заботиться о себе, и думал, как изменилось его сознание, если он так спокойно называет Зиру своей женщиной. Лицо ее в красноватом свете нескольких свечей виделось мягким, ранимым и далеким. Ему нравилось незаметно смотреть на нее сквозь щель полуприкрытых век.

Они оба молчали, казалось, прозвучи сейчас хоть одно слово, и исчезнет хрупкий мост полного единения, протянувшийся между их душами. И только опустившись в бассейн, конт решил заговорить:

– Иди ко мне.

Алан подал руку, и девушка осторожно спустилась в воду, а потом посмотрела на него прямо и нежно. Он притянул ее в свои объятия, чувствуя, как его увлекает за собой нахлынувшая волна желания. Неумолимо. Головокружительно. Необычно. Упругость ее губ, их влажность, податливость, ее шелковистая кожа, запах корицы и лимона, изящные ступни, ее тихий смех и отзывчивое, чувственное тело – все это несло его в омут страсти. И сегодня он отдался своему желанию без оглядки, не думая, не переживая. Весь, до последней капли, со всей неистовой жадой и пылкостью молодого тела. Не разрывая поцелуя, он подхватил девушку на руки и вынес из бассейна. Бросил на пол полотенца и осторожно опустил на них Зиру. Он покрывал поцелуями каждый миллиметр ее кожи, сначала жадно исследуя, затем медленно и вдумчиво познавая ее тайны, даря ей удовольствие и получая наслаждение взамен, наполняясь гордостью и радостью от ее тихих стонов, от тела, стремящегося ему навстречу, от своего желания, готового взорваться тысячей ярких солнц.

На ужин их так и не дождались. Иверт догадался принести халаты, и Алан отнес прижимающуюся к нему девушку наверх, в знакомую маленькую комнату с горой шкур на полу.

Теперь он не спешил, лаская гибкое тело. Этот мужчина прекрасно знал, как доставить женщине удовольствие, он знал все чувственные места, дрожащие и пульсирующие под его настойчивыми пальцами, он прислушивался к тихим стонам, следуя за ними, руководствуясь ими, он вырывал крики и отступал, дразнясь и обещая. Алан следил за своими ощущениями, с интересом сравнивал их с прошлым опытом, когда он жил в женском теле. Это было... познавательно и очень сложно. Сложно удержаться на краю, не упасть в пропасть раньше Зире. Но, как говорится, опыт не пропьешь, он помнил некоторые приемы, позволяющие продлить игру, и беззастенчиво ими пользовался, пока не понял, что еще немного, и его просто разорвет на миллион маленьких Аланов.

«Ты крутой любовник, Алан Валлид», – в глубине сознания самодовольно пробормотала Виктория.

– Милая, – прошептал на ухо Зире обессиленный Алан, прежде чем провалиться в счастливый сон без сновидений.

...– Алан, – шепот Иверта выдернул конт из сна. – Нам пора. Жду тебя внизу.

Конт открыл глаза, улыбнулся, встретившись со взглядом больших зеленых глаз.

– Спи, милая. Я вернусь и заберу тебя в Кровь. Дождись меня.

Он наклонился и поцеловал Зиру в еще плоский животик.

– Я люблю тебя, Бешеный Алан.

– Никогда еще не видел тебя таким счастливым, – вместо доброго утра сообщил конту Иверт. – Неужели ты излечился полностью?

– От чего? – Алан покачивался на спине Угля, но его чувства все еще были рядом с Зирой, он вновь переживал новые, доселе незнакомые ощущения. Сравнивал. Вспоминал. Анализировал.

– Да, ничего, это я так, – буркнул себе под нос горец, глядя на конта с легкой грустью, но потом, что-то для себя решив, тряхнул гривой волос и весело предложил: – А хочешь, заедем в древний город? Здесь недалеко.

– А? Что? – Конт поднял на игуша рассеянный, но довольный взгляд. – Прости, я не услышал.

– Еще бы ты слышал! – фыркнул Иверт. – Здесь недалеко тропа в древний город. Помню, ты хотел посмотреть.

В мозгу словно опять что-то щелкнуло, и Виктория встряхнула головой. События ночи отошли на второй план, она встрепенулась и с азартом повернулась к Иверту.

– Конечно, поехали! – такую возможность она точно не упустит! Остатки техногенной цивилизации! Это же круто! Ха, какие словечки она, оказывается, помнит!

Иверт ударил пятками кобылу и стрелой понесся в сторону леса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.